

18+

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

Кавалергарды 1805. Холодное солнце Аустерлица

ИСТОРИЯ РОССИИ

Сергей Соловьев
Кавалергарды 1805.
Холодное солнце
Аустерлица. История России

<https://litres.ru/74150948>

ISBN 9785007008839

Аннотация

Этот роман написан в память тех далеких событий, происшедших в 1805 году, двести двадцать лет назад. То свершение Лейб-Гвардии Кавалергардского полка под Аустерлицем показательно тем, что под своими знаменами он собрал лучших людей тогдашнего русского общества, аристократов, богатых и известных в свете. Эти люди вели солдат в бой, а не посылали их умирать, как высшие низших. Сражались сами и погибали, спасая в страшных боях своих товарищей.

Содержание

Предисловие от Автора	5
Пролог	7
Петергоф	17
Почтовая станция, новое знакомство	17
Усадьба Нарышкиных	27
Как Кастор и Полидевк	36
Вот и на месте	47
Служба	62
Конный караул и фрейлины	68
Первый бал	84
Дуэль	99
Новый день	105
Почтальон судьбы	108
Конец ознакомительного фрагмента.	147

**Кавалергарды
1805. Холодное
солнце Аустерлица
История России**

Сергей Юрьевич Соловьев

*«Мы не стремимся быть первыми, но никого
не допустим быть лучше нас»*

© Сергей Юрьевич Соловьев, 2026

ISBN 978-5-0070-0883-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от Автора

Этот роман написан в память тех далеких событий, происшедших в 1805 году, сто двадцать лет назад. Казалось бы, столь давнее событие, и чем оно интересно и памятно? Для людей, которым чуждо само понятие Родины, вопрос вполне закономерен и оправдан, для других, думающих и размышляющих, принимающих решения своей головой, тема важная.

Зачем же обычным обывателям помнить дела таких давно минувших дней, вспоминать этих давно ушедших людей и их странные, так сказать, ненужные им лично подвиги?

То свершение Лейб-Гвардии Кавалергардского полка под Аустерлицем показательно тем, что под своими знаменами он собрал лучших людей тогдашнего русского общества, аристократов, богатых и известных в свете. Эти дворяне, родовая аристократия той далекой России, осыпанная с ног до головы привилегиями, не имевшая ни в чем недостатка или малейшей нужды- считали своим долгом, своей Святой Обязанностью Самим сражаться с оружием в руках, рискуя Собственными жизнями. Эти люди вели солдат в бой, на не посылали их умирать, как высшие низших. Сражались сами и погибали, спасая в страшных боях своих товарищей.

Ту, истинную элиту, не прятавшуюся за свои привилегии, а шедшую сражаться за свою страну, и моно считать насто-

ящим правящим классом, истинными сливками общества. Они на самом деле, а не лишь по паспорту, являлись частью своей нации, своего народа, делили с простыми людьми все опасности войны и страданий.

Одна культура, самодержавие, сплачивали всё общество в единую нацию с общими ценностями. И, немало лучших представителей других стран мечтали стать частью того государства, Императорской России. Десятки аристократов, бежавших от французской гильотины, влились в служилое сословие и с оружием в руках подтверждали верность своей новой Родине. Князья де Брольи, графы Сен- При, графы де Сталь, воевали в рядах Русской Армии.

В те времена, элита России, несмотря на колоссальную социальную пропасть, считала за честь для себя, вместе с простыми людьми, сражаться и умирать плечом к плечу, как единое целое. Только тогда, когда элита теперешней России будет способна приблизиться к офицерам гвардии той далекой поры не кутежами, а отвагой на войне и честью, то и в стране все станет на место, успокоится и пойдёт на лад. Элита России должна перестать чувствовать себя чем-то отдельным от страны и народа. Только тогда перестанут постигать несчастную Россию бела за бедой, нас из так называемого «многонационального» народа и появится настоящая единая нация. История, это всегда пример для осознания и понимания настоящего.

Пролог

Алексей немилосердно гнал по аллее своего вороного жеребца. Ветер развеивал его светлые кудри, трепал ворот модной рубашки «апаш», с широким свободным горлом. Юноша умело держался в высоком седле, сдерживая яростный норов своего любимца. А он, всё косил на хозяина своими яркими глазами, будто предупреждал:

«Вот, гляди я тебя... Не забывайся..»

Алексей привычно ожидал какого-то подвоха, и лишь крепче держался. Но нет, его жеребец лишь только чуть повел крупом, да дернул мощной шеей. Такая, была у них игра. Впрочем, отец не раз и не два напоминал ему:

«Ты, вот старший, и должен Андрюшке пример показывать. Что бы не побился по неопытности. Конь, он куда сильнее тебя, да и весом больше. В твоём Уголке тридцать пудов, а в тебе пять с небольшим. И, ты должен быть всадником, а не просто наездником. То есть, сразу должен уметь любого коня смирять. Не ломать его волю, но показать, что ты- главное...»

«Отец, — возразил он тогда, — он же мой друг... Уголёк такой умный и незлой...»

«Неглупый, да всё одно жеребец... И сильный, норовистый. И, должен понять, что главный -это ты, сынок. Понятно, что и кто муже умнее, и толковее, раз ты его кормишь,

а не он тебя».

И батюшка, Михаил Алексеевич, очень по-дружески, и покровительственно, похлопал его по плечу. Отец, подполковник Сумского гусарского полка, умел показать всем, что он здесь главный. И, не только домашним, но и крестьянам, и даже управляющему, Герасиму Филипповичу. Михаил Алексеевич Бурлин цепко вёл дела в своих обширных поместьях, в окрестностях Рязани. Понимал, как надо пахать да сеять, да с толком хранить собранный урожай. И, сам доставлял пшеницу в Москву, на своих собственных баржах, по широкой реке Оке. И, в Первопрестольной имелась у них усадьба, с большим домом, сложенным из выдержанных дубовых бревен, да крытых затем штукатуркой, так что видом он был словно каменный. Богатый, в два этажа, в красивом месте, недалеко от Яузы. Рядом стояли усадьбы Голицыных и Воронцовых.

Так отвлёкся мыслями Алексей, и едва не получил веткой липы по лицу. Но, довка пригнулся, рассмеялся при том. Не терялся, тем более, был в хорошем, приподнятом настроении. Представил, что он словно от трещкой сабли увернулся, или, скорее, от прусского палаша!

— Вот, как я могу, — прошептал он сам себе.

Тут повернул от аллеи, их парка, и проехал дальше, к высаженным липам, к небольшому флигелю. Здесь он ловко спешился, как научил его отец. Вытащил левую ногу из стремени, согнул в колене, и держась за лук седла, ловко скольз-

нул на землю. И, при этом, не выпускал повод из левой руки. Уголёк недовольно крутил шеей, всхрапнул. Юноша погладил коня по гордой шее, ощутив ладонью гладкость короткой шерстки своего любимца.

— Пошли, не упрямясь, — спокойно и уверенно проговорил Алексей, — вот и коновязь. А то ждут меня.

Жеребец только фыркнул, да тряхнул гордо поднятым хвостом. Спокойно переступал копытами, пока всадник не подвёл его к железным кольцам у стены. Тут Уголёк ткнулся мордой в плечо хозяина, будто напоминая о важном.

— Вот, возьми, — и Алексей из сумы, перекинутой через плечо, зачерпнул горсть ржаных сухарей, щедро посыпанных солью, — прости, чуть не забыл.

Конь же, спокойно и доверчиво похватал угощение с руки, суть беспокоило при том прядая ушами, словно что услышал, или почуял кого. Глянул в сторону, да подтолкнул хозяина мордой, иди уж что ли, ждут ведь. Юноша привязал повод коня к железному кольцу, и пошёл вдоль стены, сложенной из грубого серого камня.

Завернул за угол, и улыбнулся. Как было же сдержаться! Стояла и ожидала, уж верно, именно его, красивая девушка, в нарядном крестьянском наряде. Нетерпеливо теребила край платка, повязанного на голове. А заметив юношу, радостно улыбнулась, подошла ближе, порывисто обняла и расцеловала.

— Рада я, что пришёл, — тихо произнесла она такие про-

стые, но приятные донельзя слова.

— Не мог не прийти, Марфа... Как же? — ответил он, погладив её плечо.

— Хорошо всё. Не беспокойся.

Тут он сам поцеловал девушку, а та взяла его за руку, и повела в дом, где так потрясающе пахло свежим сеном...

— Барин, барин!

Услышал, наконец, Алексей настойчивый голос своего слуги, Фёдора. Но, понятно, ответить пока не смог, лишь перевернулся на спину, подтянул одеяло к подбородку и изобразил страдальческое лицо. Нечто похожее, на изваяние Геракла, стявшее в кабинете отца. А вот, громкие слова всё же смогли вырвать его из сладких пут Морфея. Ну, не совсем, юноша всё досматривал сон, где опять с ним была его ненаглядная Марфа, а он, всё находился в плену её объятий. Казалось, и сейчас чувствовал её губы, нежную кожу... Потянулся, и осторожно открыл припухшие глаза. Ну, понятно, вместо девичьих прелестей перед ним было бородатое лицо слуги. Юноша только тяжело вздохнул.

— И чего, Фёдор? Что случилось-то? — с трудом проговорил он.

— Так батюшка, Михаил Алексеевич, вас ожидают. Требуют к себе, пока Ольга Андреевна, матушка ваша, не пробудилась. Серчают очень. Лучше бы вам поговорить с батюшкой.

Алексей мигом сделался серьёзен, сел на край матраса, и левой рукой просто скомкал одеяло.

— Ладно, Фёдор. Давай одеваться... — тихо сказал юноша.

— Вы уж простите, так барин сказал, что пусть идёт как есть, нечего мол, ему больше стесняться-то...

— Халат подай Федор, да тапочки шёлковые. Ладно, иду...

Спорить с батюшкой, когда он был не в духе, Алексей и не собирался. Себе дороже. Поэтому, как был, в исподнем, одел халат, и любимый бархатный колпак с кистью. Халат был на редкость хорош, тоже, из бордового бархата, с поясом, украшенном золотыми кистями. Колпак, был чуть темнее тоном, чем халат, но тоже мягкий, и под ним голова не чесалась. Да, честно сказать, такой облик был очень по сердцу молодому человеку. Надеялся, что становится так похож на турецкого пашу и бея, готовившегося окунуться в пучину удовольствий.

А пока, Фёдор поклоном открыл дверь, и снова поклонился. Алексей Михайлович оценил такое обращение, чуть качнул головой в ответ, и глубокомысленно заложил руки за спину. Как надеялся, выглядело это весьма импозантно, со стороны. Правда, тут его отвлекли.

— Мама, мама! Алексей в халате по дому гуляет! — раздался крик младшей сестры, Мари.

— Точно! — согласилась старшая, Натали, — Алексис

здесь опять прогуливается!

И тут ему покоя не давали эти девицы. Шёл ведь спокойно, по делу, и опять...

— Фёдор, быстрее пошли! А то покою не дадут! — насутился Алексей.

Он чуть не побежал, ловко скрылся за углом коридора, показал язык старшей сестре, и сделал рожки младшей, приставив кулак с отогнутыми пальцами к своему лбу.

Мари, обрадованная такой шуткой, засмеялась, а Натали, давно заигравшаяся в взрослую девицу в свои пятнадцать лет, с осуждением покачала головой, увидев такой непорядок.

— Маменька, Алексис!!! — крикнула снова Мари.

Со скрипом распахнулась дверь, и хозяйка дома, вышла из своей спальни. За ней семенила и её преданная служанка, бабка Наталья. Как всегда, с лёгкой кошёлкой в левой руке. Тут Алексей быстро скрылся, побежал по лестнице, вцепившись левой рукой в дубовые перила. На крутых ступеньках едва не упал, споткнувшись, но вовремя подхватил соскользнувший со ступни тапочек. Только охнул от боли, поджав большой палец, и скривившись, посеменил дальше и выше.

Наконец, поднялся к спасительной двери отцовского кабинета. Постучался, как должно, и услышал строгое:

— Заходи, и закрой дверь на ключ.

Собственно, отцовский кабинет располагался в такой ба-

шенке, возвышаяшась над строением. Что делать, полковник в отставке, Михаил Алексеевич Бурлин вдохновлялся итальянской архитектурой. Правда, любил ли страну Данте и Рафаэля сугубо по гравюрам и картинам, в обилии развешанным по стенам его усадьбы. Ну, а характером Бурлин был строг и норовист, даже дома завёл полковые порядки. Дверь закрыта на ключ-значит, хозяин нуждается в уединении, и не желает никого видеть. Даже супруга, Ольга Андреевна, столь им любимая, не смела подвергать сомнению его решения.

А, поглядев на лицо этого барина, человек незнакомый с домом, подумал бы, что этот отставной офицер и рачительный помещик, просто добрый и отзывчивый сердцем дворянин, хлебосольный и тароватый. Его правильное лицо, украшенное кудрявой светлой шевелюрой, небольшие, ухоженные бакенбарды, позволяли так думать. Нельзя было сказать что он красив, скорее, очень привлекателен, строен и подвижен. Дамы обожали его, и редко он мог ненадолго присесть на балах, даваемых в Дворянском Собрании их губернского города, в тихой Рязани.

Однако, кто вёл дела с этим помещиком, познали на себе жёсткую деловую хватку Михаила Алексеевича. Он упрямо и неуклонно богател, грамотно вкладывая деньги от продажи пшеницы в государственные облигации. Да и валяльные и суконные мастерские давали хороший доход.

— А, Алексей, — сказал отец, поднимая глаза от бумаг, — присядь...

Юноша заметил, что батюшка приметил его наряд, и кажется, это развеселило его. По крайней мере, он больше не хмурился. Просто достал папку из старинного итальянского стола, своей гордости, и подтолкнул к сыну.

— Всё Алексей, завтра отбываешь в Санкт-Петербург. На свой бричке, с Фёдором. С ним не пропадёшь, он слуга дельный, верный да толковый.

— А для чего батюшка?

— Хватит тут по лесам кататься, черт знает чем заниматься. Видишь, занервничал, даже стишки дурацкие сложил. Поступишь ты именно в Кавалергардский полк, я уже послал письмо графу Уварову, тебя примут. Выйдет из тебя знатный юнкер. Да и вырос ты, Алексей, пора и послужить своему государю, как должно каждому дворянину.

— Но я хотел бы...

— О тех встречах с Марфой следует забыть, дружок... Дело зашло слишком далеко, в ваших «невинных» свиданиях, и девица, что называется, понесла... Она уже едет в имение под Саратовым, под надзор управляющего, Гаврилыча. Вот, смотри, письмо мое Государю Александру Павловичу, где я собственноручно написал, что смиренно прошу даровать дворянство Моему бастарду...

— Но... — Алексей вскочил и пытался что-то сказать, возразить.

Отец, с силой заставил его присесть, жестко вцепившись в плечи сына. Лицо главы семейства потемнело от гнева, юно-

ша никогда раньше не видел его таким.

— Какое величие в речах... Даже в наш, девятнадцатый век, твое рвение немного чрезмерно. Соседи не поймут, что ты обзавёлся крестьянским сыном или дочерью в шестнадцать годков... Да и о матушке, о сёстрах и брате, Дмитриии, подумай...

— А ты? Батюшка?

— Пощёчину от супруги я уже заработал, и отнёс её на то, что недостаточно строго за тобой приглядывал, мой сын...

И Михаил Алексеевич встал из-за стола, неторопливо подошёл к сыну, занес руку, словно хотел отвесить ему подзатыльник. Но тут, его пальцы почти нежно потрепали светлые кудри отпрыска. Тот же лишь ухмыльнулся в ответ.

— Нельзя ли оставить здесь Марфу? — спросил юноша.

— Пойми, не хочу говорить плохого о твоей любовнице, да она знала, на что шла, и что сама желает получить. Теперь, станет в Светловке воспитывать твоего... моего, то есть, ребёнка. Будет уже не крепостной. Примерно вот так...

— А если... — неуверенно начал фразу Алексей.

Да батюшка, нахмурился, хлопнул кулаком об стол, и другим тоном продолжил:

— Пока не стоит... Не желаешь же ты повторить подвиг его сиятельства Шереметьева с Прасковьей Жемчуговой? Я, вот знаешь, не настолько богат, что бы всё устроить. Да и то... Не вышло из этого ничего хорошего.

Собственно, сей роман стал притчей во языцах, и тяжкая

судьба этой пары была всем известна. Никто из знатных семейств не желал более общаться с таким эксцентричным графом. Он перешёл все границы дозволенного.

— Решение есть, конечно... — вещал отец семейства, — В Сибирь поехать с женой-простушкой, не хочешь, нас всем? Государю нужны храбрецы, где-нибудь в Оренбурге. Там, среди казаков, станешь ты поживать, да добра наживать...

Алексея тут от слов отца аж передернуло. В такую глушь, да прямо сейчас, отправляться он решительно не хотел. Лучше уж страдать в Кавалергардах...

— Ну что, всё обдумал? — и Михаил Алексеевич внимательно поглядел на сына, — Однако, на прожитие станешь получать не больше трёх тысяч в год. Вполне достаточная сумма. Вести дом станет Фёдор. Это флигель владений Нарышкиных, нашей дальней родни. Означенные суммы я выслал. Правда, пока станешь проживать в полку, да это твоя польза, дисциплины наберёшься.

Деваться было, в общем, некуда. Приходилось расставаться с привольным житьём, отправляться на царскую службу. Если честно, не желал покидать любимую усадьбу.

— Едешь прямо сейчас, не медля. В Москве, больше чем на три дня, не оставайся. Нечего там тебе рассиживаться. Фёдор уж твои чемоданы собирает, да и бричка готова. Иди, поцелуй матушку и сестёр, простись с братом, и, в путь-дорогу...

Петергоф

Почтовая станция, новое знакомство

— Фёдор, ну чего там?

Сказал так, с ленцой в голосе, Алексей, и потянулся, попробовал свои ноги. Чувствовал, что свело икры, поспешно согнул в коленях. Поглядел в окно, да ничего нового, кроме деревьев да привольно растущих кустов не заметил.

— Да, барин едем... Всё хорошо. Ладно всё вышло, что в кузню заехали. Подковы у лошадей нам поменяли, а шины на колесах и так из доброго железа. Кузьмич на совесть всё сделал. На такой бричке, можно и до Иркутска доехать, не сомневайтесь!

— Ну нет, Фёдор. В Сибирь мне без надобности. До почтовой станции ещё далеко?

— Недалече. Так, вёрст пять, не больше. Но эта последняя станция перед Санкт-Петербургом. А там, застава будет.

— Свежую рубашку на станции для меня достанешь из чемодана. А то как представляться родне в столице? Неприлично, — напомнил Алексей.

— Всё сделаю в лучшем виде, барин... Не сомневайтесь, Алексей Михайлович!

Юноша строго вздохнул для порядка, и неспешно уго-

стился парой пирожков из небольшого туюска. Съестное купили у торговки на прошлой почтовой станции. Алексей деликатно поел, а затем вытер пальцы о льняную салфетку. Тут, от адской скуки, достал книжицу, раскрыл, и начал читать от закладки, эти «Страдания бедного Вертера». Любопытная, даже скорее, модная книжица.

Завёл, сказать честно, сей роман, по совету своей сестрицы, Натали. Та, говорила о этом произведении, только с придыханием, и закатывая глаза, Смотрелось, если честно, презабавно, и Алексей прикупил и себе такую. А заодно, у букиниста, приобрёл и «Белную Лизу», модного литератора Карамзина. Ту книгу прочитал в дороге, несколько раз порывался выбросить по пути, да жалко стало. Всё же, уж очень похожа была эта история на его любовное приключение с Марфой. А, в Москве, Алексей посетил те места в Москве, описанные в романе. Симонов монастырь, «Лизин пруд». Он прочел и вирши, начертанные на досках рядом с той заводью:

«В струях сих бедная скончала Лиза свои дни,
Коль ты чувствителен, прохожий, хоть вздохни!»

«Здесь бросилась в пруд Эрастова невеста,
Топитесь девушки: в пруду довольно места!»

Да, последнее стихотворение заставило вспомнить о его Марфе. Да девица и читать, к счастью, не умела. Так что, Алексей немного потом успокоился. И то, под присмотром была его возлюбленная, в дальней деревне. Папенька, он шутить не любил, и все побаивались палки. Михаил Алексее-

вич крутоват был, и скор на расправу.

А пока захватили его строки Гёте. И, ехать стало куда веселее, особенно после съеденных пирожков.

Но вот, они заехали в ворота большой каменной усадьбы, стоявшей почти как рыцарский замок, за обширным забором. Двухэтажное, массивное каменное здание внушало уважение, как и герб, двухглавый орёл на фасаде. Всё же, почта была одним из символов непоколебимости устоев Империи. И, сие ведомство, вполне соответствовало своему назначению.

Алексей здесь осторожно спешил, не желая замарать в навозе новые сапоги. Тачал их для юного барина лучший сапожник имения, Максим, по парижским цветным литографиям. Очень понравилась тогда работа барчуку, и Алексей, расчувствовавшись, самолично наградил мастера серебряным рублём.

Всё же, одет он был по -дорожному, в серый сюртук, того же цвета панталоны, понятно, при галстукке и непременно мягкой шляпе. А вот, для Санкт-Петербурга наготове был дугой наряд, наимоднейший, тёмно-синего цвета.

А кучер, и слуга, Фёдор, взяв под уздцы коней, повел упряжку к конюшне. Там, судя по крику, сразу вступил в ожесточенный спор с конюхом. Но, в силу своей комплекции, его доводы, как видно, показались почтовому служащему вполне разумными. И, без препятствий, он завел хо-

зыйских лошадей внутрь. Затем, этот верный «Санчо Панса» вернулся, отирая руки сеном. По дороге, ловко увернулся от двух куриц, бежавших, нет, просто летевших навстречу.

— Вот как, барин... А тут, забавно, — проговорил Фёдор, — и курочки есть..

— Деревня, Le Hauceme... — не преминул блеснуть французским Алексей, — дикое место.

— Да, курочка по зернышку клюет, а весь двор в навозе... — назидательным тоном продолжил слуга.

Молодой человек только усмехнулся. Водился за Фёдором такой недостаток, знал он наверное, все пословицы и поговорки, и, употреблял их к месту и без места, при надобности и без таковой. Выходило порой, вполне забавно. Умел слуга поднять настроение.

Но тут, мимо него прошествовала семейная пара, судя по одежде, и наличию шедших позади слуги и служанки, также благородного сословия. Юноша не преминул поздороваться. И то, следовало привыкать вести себя прилично в обществе. По новой моде он коснулся пальцами шляпы, и изобразил лёгкий поклон. Глава семейства поздоровался в ответ, его супруга словно и не заметила молодого человека. Зато их дочь, премило улыбнулась Алексею.

Невысокая ростом, но с пронзительно синими глазами, полными губами, очаровательным лицом, суть украшенным лёгким румянцем, барышня казалась красавицей. У юного путешественника разом улетучилась всякая скука, наоборот,

несказанно улучшилось настроение. Даже бодрость юный барчук почувствовал.

— Фёдор, тут есть где закусить? — спросил Алексей, всё провожая взглядом пригожую девицу.

— А то... Трактир при станции имеется. Как и на всех станциях, можно перкусить со вкусом. Я вот, барин, бывал в таких местах, где вместо щей мясеñнй солянкой потчуют...

Бурлин даже поалел, что спросил у Фёдора насчет кухни. Но, набрался терпения, сосчитал про себя до двадцати, и только тогда проговорил:

— Что за семейство, разужнай. Но, с умом...

Так и со значением изрёк Алексей, и всё поигрывал своей тростью. Правда, с досадой подумал, отчего был не при шпаге? Но, потом решил, что такой вид делал бы его фатоватым. Но, в невидной и простенькой трости имелся и свой секрет-крепкий стальной клинок длиной в две пяди.

— Так конечно, барин. Не сомневайтесь.

Фёдор же по привычке был невозмутим. Умён да исполнительен всё же был его слуга.

А Алексей изволил войти в трактир. Заведение было, на вид, вполне себе чистым и приличным. В углу стоял истекающий паром большой медный самовар, у окон располагались столы для благородной публики. Ну, а у выхода, были места для людей попроще.

— Не желаете ли отобедать, ваше благородие? — сразу спросил подошедший половой, — можете угоститься паром

вой говядиной с хреном, щи наши ну очень хороши.

— Ну, пожалуй... И, покормите моего кучера, — и Алексей кивнул в сторону Фёдора, — Щи, каша, кисель.

— Непременно... Сейчас, всё и принесу. Не извольте беспокоиться.

Юноша расположился за свободным столом, а подалее, уже вкушало обед почти знакомое ему семейство. Но, глядеть было бы совершенно неприлично, и Алексей с трудом отвлёкся, и нашёл новый объект для наблюдения. Дворник принялся за работу, и принялся сметать солому и мусор, наводя порядок. А тут и порадовал половой, выгрузил с подноса тарелки и ложки с вилками. Попробовал осторожно сие яство Алексей, но, зря беспокоился. Повар трактира хорошо знал своё дело, и первое блюдо было просто великолепным. Тушёная говядина с горчицей оказалась чуть жестковата, но, в остальном-очень неплоха на вкус. Хлеб, был тем более хорош. Из просеянной муки, без комков, мягкий и ароматный. Ну а ягодный взвар завершил сие великолепие.

Тут, расплатившись, Алексей вышел во двор. После этого, совсем не просторного помещения, столь напитанного богатыми ароматами кушаний местного кулинера, здесь дышалось немного легче. Тут юноша спокойно присел на весьма удобную скамейку. Опять взявшись за чтение.

Одинокство не было долгим. Вот, не торопясь, скорее даже важно шествуя, подошёл дворянин, этот отец семейства. Коснулся рукой шляпы, и вежливо проговорил:

— Вы никого не ожидаете?

— Нет, — и Алексей встал, уважая возраст собеседника, — Алексей Михайлович Бурлин, дворянин, к услугам вашим!

— Григорий Ильич Куролесов, дворянин, Ярославской губернии. Позвольте, я закурую?

— Конечно.

Тут господин Куролесов извлёк из объемистого кармана своего серого сюртука набитую табаком трубку, затем чиркнул серничком о медную коробочку. Умелое движение, и табак начал тлеть, а новый знакомый с удовольствием пыхнул дымом, словно закипевший самовар. Иногда, как заметил Алексей, Григорий Ильич посматривал на него с явным интересом.

— Если это не романтическая тайна, не скажите ли, молодой человек, с какой целью следуете в столицу?

— Отчего же тайна, да еще романтическая? — не понял Алексей.

— Вы, простите, весьма молоды, а путешествуете в одиночестве. За карточный не присели. С книгой, и если я прочитал верно, то это «Страдания бедного Вертера». Всё ведь, одно к одному сходится. Надеюсь, что не обидел вас столь поспешным объяснением.

— Нет, конечно. Следую в полк. В дороге надо себя развлечь, что бы предаваться меланхолии.

Алексей удивился своему столь поспешному разоблачению, но ни призываться, ни виниться, даже не собирался. И

то, ничего плохого он не сделал, так, предался страсти.

— А, вот ты и здесь, Григорий Ильич, — вмешалась в беседу дама. — не представишь нас с дочерью этому un beau homme, такому изящному молодому человеку?

Слово «изящный», звучало в устах этой приятной дамы весьма многозначительно. Правда, девица, столь красивая. сколь и загадочная, пока молчала, словно Алkestида, исторгнутая из плена Таната.

— Моя супруга, Зоя Павловна, — проговорил Григорий Ильич, — и моя единственная дочь, Анна Григорьевна.

— Очень рад знакомству. Алексей Михайлович Бурлин, дворянин, родом из Рязанской губернии. Направляюсь в Санкт-Петербург на военную службу.

— И что, всё в Рязани проживаете? — с непонятым выражением в голосе спросила Зоя Павловна, — правда, яблоки из тех мест неплохие привозят.

— Так отчего же? И на Москве есть у нас усадьба, недалеко от Яузы. Рядом и сады, красиво очень. Но, всё же, в деревне куда веселее.

— Ну, а мы вынуждены в Санкт-Петербург возвращаться, — добавил Григорий Ильич, строго глянув на супругу, — слеую к месту службы, в Берг -коллегию, под начальство Алексея Ивановича Корсакова. Дел немало, всё стараемся изыскать иесторождения селитры, для нужд военного ведомства. Да пока, всё не очень выходит. В Перми наши мануфактуры выделывают маловато зелья.

— И что ты, батюшка, всё об делах... — заметила Зоя Павловна, — пойдёмте, лучше чаю попьём...

Скамейка всё же, была куда хуже, чем привычное кресло на веранде их имения. Но, выбирать было не из чего, и Алексей расположился и здесь, с книгой в руке. Сказать честно, не спалось, хотел немного почитать, при свете двух масляных фонарей, висевших у входа. Всё же день заканчивался вполне себе неплохо. И, поный впечатлений, пока Алексей не мог уснуть, вот и решил немного почитать на свежем воздухе. Правда, приходилось веточкой время от времени отгонять весьма назойливых комаров, желающих прикоснуться не к мудрости книг, а напиться его крови. И их назойливое жужжание отвлекало. Юноша опять взмахнул своим орудием, но тут же поспешно встал.

Из двери трактира вышла его новая знакомая, прелестная дочь Григория Ильича.

— Анна Григорьевна, — и Алексей отвесил лёгкий поклон, и положил свою шляпу на скамью.

— Добрый вечер, Алексей Михайлович, — премилым голосом ответила барышня.

Она спокойно присела, левой рукой привычно оправив подол своего платья. Затем, глянула на него, и жестом правой руки, грациозно пригласила присесть рядом.

— Я вам не помешала? Je suis tellement varlee. (я бываю очень разной).

— Нет, очень рад. Я тут читаю. *Vitre entreprise est tout a fait appropriée.* (ваше общество очень к месту).

— О, — и Анна всплеснула руками, — любите Вертера? Как мило! Я, знаете, уже прочитала этот роман несколько раз! И, перелистывая эти страницы, вижу в этой книге новое для себя.

— Неплохо, хотя...

— Любовь к замужней женщине иссушает? — и барышня улыбнулась.

— Скорее, здесь дело в страстности самого Вертера. Напоминает влечение Пигмалиона к мраморной статуе. Почти бессмысленно и губительно для обоих.

— Но, как пишут поэты, любезный Алексей, «Не камни женские сердца...».

— Тут, добрейшая Анна, Вертер мог погубить не только себя, но и эту женщину, свою возлюбленную.

Тут барышня воззрилась на своего собеседника с неким вызовом. Не то с долей злости, или, быть может, с желанием нечто открыть или доказать. Но, успокоившись, проговорила:

— Быть может, эта дама сама желала быть погубленной. «Женщин убивает безразличье...». И вот, если время у вас случится, то проживаем мы на Васильевском острове, Университетская набережная, Шкиперский проток, 14, седьмой корпус. Ожидать вас буду.

Тут опять закрипела пружина, а затем и хлопнула дверь.

Показалась весьма недовольная служанка. Она поклонилась, и строго произнесла:

— Так уж ваша матушка беспокоится, Анна Григорьевна...

— Я иду, Ксения. Уже иду... — с досадой ответила барышня.

Алексей поклонился, прощаясь. Подумав, протянул книгу своей новой знакомой.

— На память. Что бы скрасить ваши вечера. И на добрую память.

— Спасибо. Как раз к месту, Алексей. — с добрым выражением проговорила Анна, — Пойдём, Ксения, — уже совсем строгим тоном произнесла барышня.

Она повернулась, зашуршав тонким полотном летнего платья, и тут, словно люгкий листок с тонкой ветки, из рукава девичьего одеяния выпал тонкий платок. Алексей поспешно подхватил это послание, не дав нежной ткани и коснуться земли. Анна повернулась к нему, и очень мило улыбнулась на прощание. Кажется, она все заметила, непременно заметила, как решил Алексей. Ну, а молодой человек спрятал этот бесценный знак внимания за отворотом своего сюртука.

Усадьба Нарышкиных

— Вот, барин и хорошо. Лошадки наши передохнули, а то, уж и намаялись. Вот, как весело бегут, — приговаривал Фё-

дор, клопай вожжами, — дошади, они, вот, не люди, роздыха и внимания требуют. Почистил я их вчерась, обтёр войлоком да суконочкой, Теперь, прямо любо-дорого, глаз не оторвать, — нахваливал сам себя слуга.

— Спасибо, Фёдор...

Алексей едва слышал сейчас, что тут говорил слуга. Вроде бы важное, потому и похвалил. А все мысли были только о Анне Григорьевне. Он опять вытянул из обшлага платок с вышитыми инициалами А. Г. К. Почувствовал нежный цветочный аромат духов, вздохнул чуть печально.

— До усадьбы Нарышкиных, что на Мойке, недалече, барин. А вот, и Московская застава... — объяснил денщик.

Да, всё здесь было исполнено на совесть. Каменное здание, шлагбаум на дороге. И, три солдата с унтер-офицером во главе, при новёхонькой и ладно сшитой форме гарнизонного батальона. Серого такого, невидного сукна, и при новомодных чёрных, как смоль, киверах. Впрочем, выправка служивых была отменна, и, как заметил юноша, все трое прослужили уж немало лет, и в пудре для волос не нуждались, благодаря собственной седине.

— С прибытием, Ваше благородие. Прошу ваши паспорта, — вежливо проговорил унтер, держа свой протазан в левой руке.

Кивер, с кожаным козырьком, ладно сидел на его голове, а левый рукав мундира весь украшен нашивками за долгую службу.

— Вот, пожалуйста, — ответил юноша, предъявляя документы.

Служивый, привычно осмотрел бумаги, подорожные, затем кивнул своим помощникам. Те, подняли шлагбаум, и Фёдор, хлопая вожжами, послал своих покладистых лошадок вперёд. Алексей, успокоенный, вздохнул и вытянул ноги. Как ему показалось, самое беспокойное в его путешествии уже было окончено.

— Вот, барин, сейчас повернём, и мы на месте, — пытался успокоить его Фёдор.

Нельзя сказать что на улицах Санкт-Петербурга царила сутолока, но, столько экипажей Алексей не видел за всю свою бытность в родной деревне. А тут, вдобавок, выстроились, словно по ранжиру, высокие красивые каменные дома, с ладными тротуарами рядом. А их будто обнимали ухоженные, прямые, словно выложенные по линейке, мостовые. Обилие прохожих, да ещё лиц, судя по одежде, приличных, а возможно и дворянского сословия, удивляло его. Что бы приличные люди ходили пешком, что вообще казалось странным для молодого человека.

Колеса просто гремели о булыжную мостовую, а стук подкованных копыт, с непривычки, лишал покоя. Казалось невероятным существовать здесь, при таком постоянном шуме и грохоте.

— Фёдор, посмотришь, что бы моя комната не выходила

окнами на улицу. Понял ли?

Не переносил молодой человек излишнего шума. Предпочитал тишину, а не слышать скрип колес да цоканье копыт ночь напролёт.

— Так конечно, барин... Всё сделаем в наилучшем виде. С понятием мы, всё исполним, не сомневайтесь...

Тут, доехали до места. Сказать честно, Алексей, не зная раньше что это усадьба, решил бы что это целый городок. Настолько обширной была эта усадьба. Даже, с небольшим ухоженным садиком.

Визитация в главный дом окончилась не быстро, а после, когда Алексей передал деньги дворецкому, то получил и ключи от нового жилища. И, пару напутствий, так сказать, бесплатных:

— С Сёмкой и Манькой да Танькой построже себя ведите... Кухарка, Мария, правда, она дельная и хозяйственная, не дурит. А Семён истопник толковый, да и дворник хороший. Погреб, при флигеле, неплохой, емкий да холодный. Съестное лучше брать на Сенном рынке. Мария, знает, где что прикупить, по хорошей цене. Не беспокойтесь, барин... Татьяна дом в порядке держать станет, не сомневайтесь.

Алексей только кивал головой. А Фёдор, стоявший рядом, чуть позади хозяина, старательно помалкивал. Он умел это делать очень многозначительно и даже ответственно. Так, что бы произвести верное впечатление на барина.

В общем, к флигелю, ставшим обиталищем Алексея Ми-

хайловича Бурлина, двигалась теперь целая процессия. Фёдор с Семёном исчезли, но вернулись уже с хозяйскими чемоданами и корзинами. Замок двери была торжественно открыт, а его слуга принялся распоряжаться, взяв на себя все хлопоты. Занялся тем, что он особенно любил, находить всем занятия. Не любил, когда кто-то, конечно, кроме него, сидит без дела.

— Семён! Это здесь поставь, да быстро! Татьяна, это, надо отмыть, и не мешкая! Мария, ставь самовар!

Мешать столь толковому слуге, было бы даже глупо. Алексей спокойно поднялся наверх, по чуть поскрипывывшей лестнице, на второй, жилой этаж. Оглядел три комнаты, пока словно неживые, опустошенные. Тут, скинув сапоги, спокойно прилёг на кожаный диван в одной из них, с окнами во двор усадьбы. Казалось, прошла всего минута, но он, сразу и незаметно для себя, уснул.

Напротив статуй Диоскуров

— Барин, еда готова. Вот, пироги и чай. Всё горячее, — дала о себе знать Татьяна, — пора уж и завтракать. Мария наготовила, всё зело чудесно!

Она высталаляла на стол угощения, весьма соблазнительные на вид, да и запах был соответствующий. Привлекательный, в общем. Да и сама женщина тоже, в самом соку, красавица русская. Да и деловитая и хозяйственная, оказалась, пря-

мо страсть. Алексей с удовольствием оглядел эту прелесть, с немалым бюстом. Простая одежда скорее подчеркивала, чем скрывала достоинства её фигуры. А он что? Так, всё думал, понятно, о прелестной Анне Григорьевне... Даже сидя за столом, за пирогами.

— Алексей Михайлович, вот, ваша одёжа наилучшая. Всё почистил, да отгладил. Сюртук английской шерсти, панталоны, рубашка свежайшая, штiblеты. Модный цилиндр. Бумаги, потребные для представления.

— О чём говоришь...

— Так сегодня в полк вам ехать, представляться надо. А то когда? Я, вот, со знающими людьми поговорил, с Серафимом, с Ильёй. Они вот, говорят, что полк сейчас в Петергоф отправился, на летние квартиры.

— Да ты что, Фёдор!

Алексей прокричал это, да вскочил из-за стола, с трудом удержался, чтобы не оттащить слугу за виски.

— Всё зря вы занервничали, Алексей Михайлович! — поспешно ответил слуга, ретируясь к двери, — Зря! Так сами собирались, вчерась, как приехали.

— Ладно... — и молодой человек успокоился.

Поправил свой шёлковый халат, натянул колпак на самые уши, да сел за стол. Правда, тут уж настроение улучшилось. И то, от такой снеди, мог ожить и полумёртвый! Алексей оценил по достоинству кулинарный талант Марии. Пирожки с зайчатиной казались просто бесподобными на вкус, как и

с капустой, яйцами и луком. Теперь, после такого завтрака, день казался не таким уж и мрачным.

— Фёдор, бриться!

— Так, Алексей Михайлович, пока и нечего и незачем... Лицо у вас, как у ангела с иконы, — с умильным выражением лица отвечал слуга.

Спорить тут не стал иолодой человек, оно конечно, со стороны ведь виднее.

— Ладно, тогда экипаж закладывай, поедем на Воскресенскую набережную. А Семён- кучером, а ты, при мне, неотлучно.

Правда, не удержался Алексей, да и съел ещё пару пирожков и испил ещё чашечку крепкого чаю. Исключительно, для бодрости духа, конечно.

Совершенно нельзя было сказать, что сейчас, в летние месяцы, расположение полка было безжизненным. Никаких там заколоченных досками входов, гроблвой тишины или запустения. Вовсе нет.

У ворот стоял караул из видных солдат в белых мундирах, касках с гребнями, при карабинах. Вид этих воинов внушил доверие впечатлительному Алексею Михайловичу. И он, уже без сомнений, подошёл к усатому унтеру, и, как показалось ему самому, твёрдо проговорил:

— Алексей Михайлович Бурлин, прибыл к месту буующей службы. Имею рекомендательное письмо к графу Ува-

рову.

— Доброе утро, — с неким сомнением в голосе ответил ему служивый, — так полк на летних квартирах, здесь дежурит лишь запасной эскадрон, старшим здесь пока подполковник Репнин. Могу проводить к его сиятельству, ежели пожелаете.

— Премного обязан. А ты, Фёдор, здесь останешься, при вещах. Глаз от добра не отводи

— Со всем понятием, барин, — сразу согласился слуга.

Сегодня при барской повозке был Семён. Так что верный паладин, крещенный именем Феодора Стратилата, остался у ворот, чему не слишком опечалился.

А Алексей Михайлович, теперь налегке, шёл бодрым и дёгким шагом, присматриваясь к строгой походке бравого унтера. Пытался, конечно, идти как этот служивый. Шаг же унтера был лёгок, словно он касался лишь носками своих сапог булыжной мостовой. На плацу, было тожелюдно. Три унтера обучали солдат ходить в ногу. Внимательно глядели, что бы каждый из рядовых исполнял сей урок. Ну, а господ офицеров и не было видно.

Так добрались и до штаба. Его провожатый здесь отдал честь часовому, стоявшему у входа. Тот же, с карабином у ноги, остался недвижим, словно мраморная статуя. Затем унтер-офицер постучал в одну из крашенных в белый цвет дверей, и дождался ответа:

— Входите.

Если честно, Бурлин уж думал, что это сказал сам начальник эскадрона, нет, в присутствии, за столом, застеленным зелёным сукном, сидел за бумагами седой, как лунь, вахмистр. Неспешно заполнял тетради, сверяясь с записями в других бумагах. Что делать? И здесь проза жизни не давала поблажек!

— Зиновий Евсеевич, этот молодой человек к его сиятельству, князю Репнину.

— Спасибо, Борис Аркадьевич. Доложу лично.

Унтер повернулся, и гремя подковаанными каблуками своих сапог, вышел из помещения. А вахмистр поднялся, вздыхая для плрядка, и, переваливаясь, словно гусь на поле, открыл другую дверь.

— Ваше сиятельство... К вам, — искательно, с уважением в голосе, проговорил этот делопроизводитель в мундире.

— Пусть проходит, Евсеич.

И, не дожидаясь других слов, юноша, с копным портфелем в руках, просто влетел в кабинет.

Тут, за дубовым столом сидел видный собой подполковник, в прекрасно пошитом белом мундире, при орденах.

— Алексей Михайлович Бурлин, прибыл в полк. Желал бы определиться юнкером, ваше сиятельство! — быстро проговорил юноша.

— Так, вижу, что молодец...

— Вот и бумаги. Об обучении, и от Дворянского Собрания нашей губернии, и от отца...

— Так ты сын Михаила Алексеевича? — спокойно отвечал Репнин, потеплев голосом, — так, так... Помню, хороший офицер, толковый... А теперь, значит, хозяйствует? Семейство большое?

— Я, старший, две сестры, Мария и Наталья, и младший брат, Дмитрий.

— Обязательно отпишу Михаилу Алексеевичу.. А письмо от графа Уварова о вашем назначении вот оно, и резолюция государя, принять на службу в полк. Осталось вам лишь пошить мундир, обзавестись конём, приличествующим нашему полку, да денщиком хорошего поведения.

— Собственно, слуга у меня есть, ваше сиятельство...

— Надо его принять на службу, нестроевым. Впишем в списки, и вся недолга. Порядок есть порядок, вы же понимаете. За неделю, полагаю, со всем управитесь. Вот и ваши бумаги, — и полполковник передал пакет, -Вы, юнкер, перед отъездом зайдите в штаб, получите письма для офицеров полка. Всё, больше вас не задерживаю!

Алексей в приподнятом настроении возвращался к воротам, где его ожидал верный слуга. Сейчас Бурлин представлял, как ладно станет выглядеть Фёдор в кавалергадской форме!

Как Кастор и Полидевк

Но, выходя из кабинета, едва не столкнулся с худощавм

молодым человеком, вдобавок, и в форме кавалергара. Этот юной юнкер ловко увернулся от плеча Бурлина, и вопросительно глянул в ответ.

— Вы считаете себя оскорблённым? — с вызывающим тоном в голосе спросил Алексей.

— В общем... — с ухмылкой ответил юнкер.

— Желаете на пистолетах, или на шпагах?

— Есть и более интересный способ, юноша!

— Позвольте, я тоже принят в полк юнкером! С сегодняшнего дня!

— Тем более. Александр Иванович Альбрехт, юнкер кавалергардского полка!

— Алексей Михайлович Бурлин, теперь тоже юнкер, — уверенно ответил молодой человек.

— Если вы не против, мы сейчас пройдем в крытый Манеж, — объяснял Альбрехт.

— Желаете драться там?

— Вы видели покровителей нашего полка? — не совсем ответил Альбрехт.

— Простите... — совсем не понял вопроса Бурлин.

Не считал себя глупым, но пока не был силён в таких тонкостях. Уж больно тонко вёл нить беседы его новый знакомый..

— Не небесных, а так сказать, почти земных... Статуя Диоскуров у входа, Так Кастор и Поллукс смиряют коней. И, если вы, усидите на норовистом жеребце, то я буду считать,

что недоразумение между нами исчерпано.

— Более чем справедливо.

Алексей согласился, хотя и понимал, какая непростая задача может перед ним оказаться. Этот юнкер мог над ним жестоко посмеяться, а он, получить тяжкие увечья. Норовистый конь- если не противник, то уж испытание то точно, и нелёгкое. Не каждый мог его пройти. Да отступить не желал.

— Вот, нам сюда, — объяснил Альбрехт, показывая рукой на длинное, но скорее вытянутое каменное здание под двускатной крышей и высокими окнами, — Это и есть Манеж нашего полка, где проходят конные занятия в зиму, а то и летом. Пройдёмте?

Бурлин только кивнул в ответ, и нахмурился. Но, подумав, решил отдаться на волю случая. Они оказались внутри, пол помещения был посыпан чистейшим, жёлтым песком. Два солдата в серой рабочей форме, держали под уздцы мощного коня гнедой масти. А к Альбрехту подошёл вахмистр, отдал честь, и доложил:

— Всё готово, ваше благородие. Если пожелаете, можем начать.

— Спасибо, Труфан Мокич. Только заместо меня вызвался Алексей Михайлович. Решил, поступив в полк, показать удаль перед нами. Ты ведь, препятствовать не станешь?

— Да как же? — и вахмистр нахмурился и замолк.

— Так он тоже юнкер полка, не волнуйся. Если что, скажешь, что я виноват. Настоял, дескать. Да не сомневайся,

сам знаешь, батюшка у меня влиятельный, вступится.

— Ладно... Вы, вот, ваше благородие, сами увидите... — обратился вахмистр уже к Алексею, — Не объезжен ещё, бывает, и озорует малость. А так, конь добрый.. Не кусается, так Егор, вишь говорит... Но, и скинуть может, коли не по его...

— Ничего вахмистр, я управлюсь, — твердо произнес эти слова Бурлин, и быстро подошёл к коню.

Чуть пожалел свои нарядные панталоны, но, опершись на луку седла, левую ногу занес в стремя, и довка перекинул правую ногу, разом усевшись. Вахмистр кинул ему поводья. Но, солдаты всё удерживали храпящего теперь этого горячего жеребца. Вели его шагом, и осмотрительно. Впрочем, и конь, как видно, не хотел обижать своих защитников, тех кто его кормит и ухаживает за ним

— Отпустите построшки! — резко приказал Бурлин.

Солдаты переглянулись, но не прекословили, и быстро исполнили приказ. Ремни упали на песок, и конь гордо шёл, высоко подняв стриженный хвост. Алексей чуть подал вперёд, ударив по бокам каблуками сапог. Жеребец изогнул шею, заржал, резко подбросил круп, да наездник привык к такому. Легко удержался в седле. Конь, перешёл в галоп, лихо проходя по контуру Манежа. Бурлин пока дал волю жеребцу, лишь поддерживал уздечку. Немало времени прошло, пока конь выдохся, и пропотел. Тогда, Алексей, подтянув повод, заставил коня перейти на шаг, а затем и остановится. Тогда

молодой человек, спешился, и держа жеребца в поводу, подвёл того к солдатам.

— Да, и вправду хорош, — произнёс Бурлин, поглядев на Альбрехта.

— Да, и вы, Алексей Михайлович, настоящий дошадник, — ответил новый знакомый, — Держались, просто превосходно. Предлагаю, перейти на «ты». Мельхиор, вообще-то, очень крут нравом.

Бурлин усмехнулся, с сожалением глянул на свои панталоны, теперь замаранные конским потом. Но, кажется, дело того стоило, и спокойно проговорил:

— Так стреляться не станем, Александр?

— Считаю, что недоразумение между нами исчерпано, Алексей.

И Альбрехт протянул ему свою руку. Бурлин с удовольствием пожал её, приняв правила дружбы.

Визитация к семье Куролесовых

— Что ты, Фёдор, недоволен? Вот, какой ладный мундир тебе пошили? — посмеивался Алексей, сидя в двуколке, — пуговицы как блестят!

— Так для чего же, ваше благородие? И я теперь при службе.

— Так теперь, мало того, ты, Фёдор и приличной фамилией обзавёлся, занесён в списки нашего полка, как Фёдор

Иванович Алексеев.

— Это вам молодым, главное, что бы вид справный да ладный. Дабы внушать почтенным людям уважение, а девицам благородного звания-переживания любовные. А мне то за чем? Я, как никак, в почтенном возрасте, и к прекрасному полу сделался совершенно равнодушен.

Закончил эту обстоятельную речь денщик, и многозначительно поправил свою фуражную шапку. Дескать вот, всем пожертвовал для барина, даже душевным покоем.

Алексей промолчал, только потёр подбородок. Собственно, Фёдор не совсем был так безразличен к женским прелестям. Приметил Бурлин, как наведывался прошлой ночью его слуга к кухарке Марии. Но счел неправильным вмешиваться в сии амурные утехы. Сам, был грешен, и не мог с чистой душой заниматься морализаторством. Поэтому, просто перевернулся на другой бок, и спокойно уснул.

Ну, а тем более, Фёдор проявил некоторую прыть, собирая презент для семьи Куролесовых. Пара бутылок вина, цитроны, даже пирожные. Шали для Зои Павловны и Анны Григорьевны, и курительная трубка в футляре для Григория Ильича. С пустыми руками являться Алексей Михайлович считал неприличным. И то, следовало произвести приятное впечатление, а это было не всегда простым делом. Как юный юнкер твердо знал по чужому опыту, в отсутствие собственного.

А пока экипаж проехал по Троицкому мосту. Сложнова-

то было привыкнуть к этим идеально прямым улицам здесь, в Санкт-Петербурге, в этом прекрасном городе на Неве. А здесь, на Васильевском острове, даже улиц не было, и имелись лишь линии, всё, как заповедано самим Петром Великим.

— Фёдор, адрес не забыл? — беспокоился Алексей, — Университетская набережная, Шкиперский проток, 14, седьмой корпус, — напомнил он.

— Как забудешь, ваше благородие. Уж не первый раз напоминаете...

— Помалкивай давай...

— То сами спрашиваете, то помалкивай, — недовольно бурчал себе под нос денщик.

Алексей пребывал в слишком хорошем настроении, что бы обращать внимание на недовольное бурчание слуги. Он с большим удовольствием прикоснулся к эфесу своей новёхонькой шпаги.

Дом, казался слегка серым и унылым, стоявшим недалеко от воды. Они заехали во двор, где Фёдор остановил экипаж. К ним подошёл дворник, снимая на ходу шапку и кланяясь.

— Я к нсподину Куролесову с визитом. Юнкер Кавалергардского полка Алексей Михайлович Бурлин, — с удовольствием представился юноша.

— Так вам на третий этаж, ваше благородие, квартира, справа. Там табличка на двери имеется.

— Понятно, -заметил юнкер.

Он выудил пяточок из лядунки, и вложил в руку дворника. Тот поклонился ещё раз, с большим удовольствием.

— Ты, любезный, присмотри пока за экипажем. Фёдор скоро придёт, — объяснил Бурлин.

— Так всё в лучшем виде исполню, не сомневайтесь.

Алексей кивнул, а денщик подхватил свёртки, и поспешно пошёл вслед барину. По лестнице парадного входа поднялись на третий этаж, где сиряли две двери, одна напротив другой. Юнкер глянул на одну медную табличку, затем и на другую. Да, и на той, что справа, выгравирована изысканной вязью надпись: «Статский советник Куролесов, Григорий Ильич». Тут уж Алексей сходу, не раздумывая, позвонил в колокольчик у двери. Рука прямо сама дернулась, почитай, против его воли.

А открыла, уже знакомая ему служанка Ксения. Так прямо и замерла на пороге, будто одеревенела, завидев такого гостя.

— Фёдор, ты, что там? — спокойно проговорил юнкер, — заноси подарки!

— Зоя Павловна! Григорий Ильич! К нам молодой человек пришёл! — слегка суматошна дала знать Ксения хозяевам квартиры.

Навстречу вышел сам господин Куролесов, в домашнем наряде, при мягком сюртуке светло-серого цвета.

— День добрый, молодой человек... Хотя, уже на императорской службе, — добавил он, заметив мундир гостя, —

вам, Алексей Михайлович, это к лицу. Проходите в гостиную.

Бурлин прошёл за хозяином, на ходу снимая португую со шпагой. Всё же, дома, так было бы неприлично.

— Вот здесь, поставьте, — заметил волнение гостя Куролесов, — присаживайтесь. Рад, что вы приехали. А дамы, сейчас придут. Станем чай пить.

Они присели на диван, обшитый старым, синим шёлком, французской работы. Посередине комнаты раскинулся стол, укрытый скатертью, шестью стульями. Там же, добавляя авантажности, находился поднос с графином, и полудюжиной вытянутых рюмок муранского стекла. У стены горбился старинный шкаф, полный нарядной посуды. На крашенных в оливковый цвет стенах висели картины, с пейзажами неизвестных Бурлину мест, а посередине, делая обстановку более строгой, находился портрет их юного императора, Александра Павловича. Два окна этой комнаты давали довольно света, так что для красоты и удобства были скрыты ыранцузскими занавесями. В общем, обстановка не была роскошной, но и не бедной, а скорее приятной, располагающей и уютной.

— Может быть, немного вина, Алексей Михайлович? — предложил Куролесов.

— Не откажусь.

— Токайское, — объяснил хозяин дома, наполняя бокалы, — я, знаете ли, его ценю больше. Приятное, особенно

если летом. А вы, больше какое любите?

— Так сами понимаете, больше молоко, или ягодный взвар. Ввиду возраста, — с улыбкой ответил гость, — впрочем, вкус приятный, — заметил он, пригубив из бокала.

Тут, Алексей поспешно вскочил, приветствуя вошедших дам. Отставив вино, поцеловал руку Зое Павловне, и затем, с радостью коснулся и холодных пальцев Анны Григорьевны. Заметил правда, как барышня, с несомненным одобрением в глазах, оглядела его мундир.

— К нам, Алексей Михайлович пожаловал. Тоже, приехал в Санкт-Петербург. Теперь, на государевой службе, приличной его положению, — чуть цветисто сказал Куролесов.

— Сейчас и чаю попьём, — добавила Зоя Павловна, — рады вашему визиту, Алексей Михайлович. Вот, и пирогов попробуете, они у нас славные.

— Позволил себе прийти с подарками. Всё, от чистого сердца, — и Бурлин показал на шали и трубку в футляре.

— Приятно, да и к лицу, — заметила Зоя Павловна, накидывая сее шаль на плечи, и украсив подобным платом и Анну Аркадьевну, — а вот, и самовар поспел...

Лицом любого приличного дома, понятно, был чайный сервиз. Так уж было принято. Гости смотрели, каков достаток дома именно по таким предметам. Скажем, Бурлин помнил, что маменька и папенька обожали французский фарфор, а здесь в ходу были строгие приборы Петербургского императорского завода. Но, молодому человеку более прият-

ным было общество Анны Григорьевны, сидевшей напротив него. Девушка, изредка поглядывала на пригожего юнкера.

Угощение было прекрасным, Алексей попробовал всего, так, понемногу. А Анна, присела к клавесину, и принялась наигрывать приятную мелодию. Григорий Ильич стдел в кресле, и раскурил свою трубку, с динным, почти в пядь, чубуком.

Зоя Павловна тихо подошла к Бурлину, положила руку на спинку его стула, и еле слышно спросила:

— Вы ведь, Алексей Михайлович, сможете быть на балу у Румянцевых? Осенью?

— Полк вернётся в сентябре в Санкт Петербург, Зоя Павловна. Непременно должен быть.

— Будем вам рады. Так Анне шестнадцать исполнится, первый её бал будет. Сами видите, дочь вам вполне благоволит...

Такие слова были вполне приятны для Алексея. Подумал правда, что придётся отписать отцу, но потом, решил это отложить, до осени. Не оттого что испугался, но, нечего самому впереди лошади бежать. А пока, на сердце было хорошо и спокойно, приятная музыка наполняла гостиную, всё казалось лёгким, приятным и, достижимым. Кажется, он был сейчас совершенно счастлив.

Кавалергардский полк

Вот и на месте

— Вот видишь, Алексей, за половину дня и доберёмся до полка, чего нам зря коней утомлять? — беззаботно ответил ответил Альбрехт. — Время, терпит, точно говорю, не опоздаем.

— Так дорога знатная, и выехали мы рано, только рассвело. Да, поход выдался знатный, и ещё целую сумку писем получил от князя Репнина. Надо всё в целости доставить,

— Так с нарочным всяко быстрее выходит. Хоть есть почтовая станция в Петергофе, а всё одно, так лучше. Но, ты правду сказал, жеребец у тебя хорош.

— Так и есть, мой Уголёк, — и Бурлин с удовольствием погладил гриву коня, — да и твой Мельхиор, любого статью обойдёт.

— Отец прислал, из нашего имения, Котлы. На привольных лугах вырос. Всё у моря, недалеко от Санкт-Петербурга. А дорогу эту, ещё сам государь Пётр Великий приказал строить. На диво ведь хорошие места! И ветер свежий, с Финского залива.

И вправду, красиво было очень. Ехали они по пригородам Санкт-Петербурга, мимо живописнейших усадеб ловких и преданных царедворцев, обустроивших здесь, саои владения

История Петергофской дороги, наверное, уже хорошо

знакома всем, кто хотя бы раз побывал в пригородах Санкт-Петербурга, расположенных вдоль южного побережья Финского залива. Любой путешественник непременно слышал о том, как Петр 1 решил создать живописную дорогу от Петербурга к своей парадной морской резиденции Петергоф. И, на нашёл ничего более доброго и разумного, как раздать вновь отвоеванные земли российские знатным царедворцам, Участки немалые, в общем.

И своим рескриптом, утвердил вновь задуманное. Размер участков оказался невелик — 200 сажен вдоль моря на 2000 сажен вглубь от него. Поначалу никто и не поверил, что знатные дворяне пожелают зесь поселиться. И думали, что эти пустоши будут навечно вольными выпасами, с травами произрастающими на этих холмах.

Однако, артстократы принялись тут соревноваться иежду собой в возведении новых пристанищ, выросших в богатые и прекрасно устроенные усадьбы. Постепенно вдоль дороги появляются утопающие в зелени усадьбы, принадлеащие лучшим аристократическим семьям Российской империи! Так, желание Петра Великого и тут, воплотилось в жизнь, и превзошло заумангое великим созидателем.

Эта дорога тянулась теперь вдоль моря, так любимого русским царём, и не уступала по красоте дороге от Парижа к королевской резиденции в Версале, которая еще в 1717 году пленила царя во время поездки во Францию по делам Северной войны. А начиналась Петергофская дорога от Фонтанки

(где проходила граница города в XVIII веке), минует Нарвскую заставу и тянется вдоль южного побережья Финского залива на 40 вёрст до самой Красной Горки.

— А пока, друг мой Алексей, — со смехом произнёс Александр, — должен и ты коснуться легенды наших приморских мест.

— И какая же легенда, или тайна тут есть? — с нетерпением спросил Бурлин.

— Вот, погляди сам, — ответил Альбрехт, — любимое место отдохновения наших товарищей...

— Кажется, обычный старый трактир.

— Это же сам «Красный кабачок», возведенный трудами Петра Великого. И мы здесь, непременно остановимся, что бы и ты, ощутил гостепреимство его хозяев. Своим указом от 16 ноября 1706 года царь подарил земельный участок на 10-й версте Петергофской дороги своему «толмачу» Семёну Иванову «за его службу, раны, полное терпение и уход из полону». Рядом с подаренным участком на дороге сооружается попутный дом для отдыха царя и военных чинов на пути в Стрельну и Петергоф. В 1713 году, указом от 7 июня, царь отдаёт и это здание переводчику Иванову «для устройства в нём вольного дома по немецкому обычаю (трактира) для торговли водкой и табаком». В указе царь запретил Иванову продавать кабачок.

— И что, и сейчас его держат потомки этого толмача?

— Ну, увы, ничто не вечно под луной. Сейчас заведе-

ние принадлежит полковнику Гарновскому, секретарю Григория. Потёмкина. Есть слухи, что здесь в далёком 1762 году, в дни дворцового переворота, провела бессонную ночь с 28 на 29 июня, накануне прихода к власти сама будущая императрица Екатерина Великая, с отрядом только что присягнувших ей гвардейцев. Но, в этом трактире подают знатные немецкие блюда, с телятиной или солониной. Заведение славится своими необыкновенными вафлями. А уж какой предлагают пунш и глинтвейн! Вкус, просто необыкновенный! Да, и многие приезжают сюда, так, попросту, на вафли.

Алексей и не думал отказываться. Оба молодых человека спокойно зашли в зал, и устроились за столом. В углу, сидела приятная девица, в простом немецком платье, при чудном музыкальном инструменте. Они там нашли совершенно пустую залу и одну бедную девушку, арфистку, которая чрезвычайно обрадовалась такому посещению и начала петь с особенным усердием. Ну а кабатчик, подошёл к гостям. Это был плотный мужчина средних лет, коротко стриженный, в вязаном колпаке и немецком платье.

Альбрехт заговорил с ним, в уважительном тоне:

— Добрый день, господин. Подайте нам свиную рульку с капустой и чёрный хлеб. Знаю, что такое блюдо здесь особенно хорошо.

— И глинтвейн?

— Без сомнения.

Разговор шёл по-немецки, впрочем, Бурлин прекрасно

понимал этот язык, благодаря домашнему учителю. Тот пристойно обучал его целых пять лет наукам, иностранным языкам и фехтованию, всем нужным наукам дворянским.

Большие глиняные блюда вмещали изрядные, скорее, громадные порции. Но, влекущий аромат мяса и квашеной тушеной капусты, превзошёл все сомнения. Бурлин, вооружившись вилкой и ножом, храбро атаковал жареную ножку, ловко обрезая с кости мягчайшее мясо. Вкус, был под стать виду, и влекущему запаху. Алексей недооценил свои силы, и вопреки сомнениям, полностью опустошил тарелку, оставив на блюде лишь одиноко блестящую кость. Кабатчик ловко убрал пустые тарелки, и горячий глинтвейн сменил жаркое. И это угощение впечатлило юношу. Запах корицы чуть отдавал в нос, гвоздика, мускатный перец и анис придавали свежий вкус напитку. Бурлин допил горячее вино, почти до самого дна.

— Ну и как? — спросил Альбрехт.

— Великолепно. И так просто, и так хорошо. Можно, правда, и обеспокоится за моего Уголька... Я, здорово отяжелел.

— Ничего, доведёт...

Дальше путь был куда веселее. Они миновали Английский дворец Джакомо Кваренги, прекрасную Дачу фон Минихов, имения Павлино, графов Виельгорских, Марьино, графов Толстых.

— А вот в Ульяновке, владении графов Шереметевых, полк

всегда ожидает угощение. Как следует полк в летние лагеря, так встречает нас граф торжественным обедом, — объяснил Альбрехт.

— Но смотри, уже и почтовая станция недалеко, сможем опять передохнуть, — заметил Бурлин.

Этот приют путешественников выглядел привлекательно, и, вместе с тем, более, чем обычно. Приземистое здание из красного кирпича за невысоким забором. Не одну и не две подобных посетил Бурлин за время своего путешествия из отцовской усадьбы.

— Сидор! Загоняй бричку во двор! Потом напоишь коней!

Альбрехт времени зря не терял. Быстро спешился, поправил шляпу, подбоченился, да осмотрелся, словно хотел здесь увидеть нечто необыкновенное. Бурлин понимал тщетность таких желаний своего товарища. Других гостей здесь не было, и половой сразу подошёл к друзьям, занявших место за столом.

— Вот, господа... Могу предложить сельскую солянку, и прекрасный холодец с хреном. Всё, что есть.

— И, пожалуй, жбан пива, — милостиво добавил Альбрехт.

— Всё сделаем... Ждать долго не придётся.

И, вскоре они уже с аппетитом угощались прекрасно приготовленным кушаньем. Понятно, что маринованных оливок не могло и быть, но копченый окорок, солёные огурчики,

грибы, всё такое имелись в наличии. А со свежим хлебом, даже и такая простая еда казалась просто лакомством. Холодец, или студень, вроде бы мужицкая пища, для тех, кто разбирается, всегда в радость или удовольствие. Хрен же, замоченный в уксусе, добавляет этой снеди остроту, и даже тонкости во вкусе.

— В Петергофе всё будет просто потрясающе, жизнь, словно в родной усадьбе, свежий воздух, речка, озера премилые. Правда, сам там не ещё бывал, да ротмистр Лунин рассказывал. И много другого. Целый штат фрейлин, так что, нам скучать не придётся.

— Да я, как бы уже представлен одной премилой барышне.. — очень медленно ответил Бурлин.

— Ничего, это лишь как приключение. Даже святая обязанность офицеров полка. То испытание, которое ты должен пройти. Помнишь же, девиз нашего полка: «Положение обязывает!».

Алексей, не отвечая другу, сделал большой глоток пива из глиняной кружки. Что было ответить? Альбрехт говорил ведь так уверенно, а Бурлин родился и рос в деревне, вдалеке от Света, и всех премудростей, с ним связанных. Как-то смутно, всё это представлялось...

Любая дорога, любой путь имеют всегда начало и конец. Бесконечности, в общем, и не бывает. И они, миновали шлагбаум, солдат гарнизонного полка поднял окрашен-

ное черным и белом бревно, давая им путь.

— Вот, мы и на месте. Новая деревня, место размещения нашего полка. Сейчас, надо идти представляться шефу полка, генералу-адъютанту графу Уварову.

Бурлин ничего не мог ответить. Только передал Уголька Фёдору. Здесь, у штаба, он только беспрерывно успевал отдавать честь офицерам полка, которым не был ещё представлен. Некоторые, видно, назначенные к службе во дворце государя, были облачены в супервесты поверх белых колетов. И крест Иоанна Иерусалимского, казалось, просто сверкал на алой ткани.

Ну, а кто не знал про отличия графа Уварова? Первое боевое крещение Федор Павлович Уваров получил в Польше, где в 1794 году вспыхивает восстание под руководством Тадеуша Костюшко. Драгунский эскадрон под начальством графа оказывается в окружении, и в течение 36 часов отбивает атаки поляков, после чего рискует идти на прорыв и вскоре соединяется с основными русскими войсками. За этот подвиг Уваров получает звание премьер-майора (помощник командира полка). А через год Александр Суворов, чьи войска подавили восстание, производит его в подполковники. Видно, сам Александр Сергеевич, благоволил лихому коннику. А после смерти Екатерины II и на российский престол восходит Павел I. Для Уварова наступает первое «счастливое время». В 1797 году он переводится в Санкт-Петербург полковником Екатеринославского кирасирского полка.

На следующий год он уже генерал-майор, а с 1799-го — шеф кавалергардского полка. В 1800 году — новое повышение — до генерал-лейтенанта, а затем, и генерал-адъютанта. Сплетники, впрочем, шептались, что дело в протекции Лопухиной, царской свойственницы. Ну, о таком Бурлин и думать не хотел.

— Вот, заходи, тебя ожидают, — прервал его мысли Альбрехт.

— Уже иду, — и Бурлин вял шляпу под левую руку, и, спокойно зашёл внутрь, в открытую дверь.

Генерал сидел за столом, просматривал бумаги. Что сказать? Их лихой командир был молод, хорош собой. Отличный мундир, несомненно, дорогого английского сукна, был безукоризнен.

— Юнкер Бурлин? Рад, что прибыли вовремя...

Тут раздался стук, и вошёл рядовой полка, вестовой, рослый солдат и с карабином на ремне, в правой руке держал пакет в коричневом конверте.

— Ваше превосходительство, был приказ доставить пакет без промедления.

— Хорошо, Прокофьев, иди. И не пускай сюда никого.

— Будет исполнено! — и солдат лихо козырнул, поднеся два пальца к козырьку его кожаной каски с медным налобником.

Уваров подождал, пока дверь закроется. Внимательно поглядел на юнкера, словно оценивая юношу. Непонятно, что

хотел сказать этот цареворец, любимец юного императора. Но, он продолжит разговор.

— Так вот... Сами понимаете, служба непростая, на глазах государя. Никакие упущения не могут быть оправданы, а вид, строго соответствовать Уставу. Да, вижу, что и косица, и пудра для волос, всё присутствует. В расположении полка, мундир обязателен. Этот белый колет, не обуза, а достоинство и привилегия тех, кто служит в полку. Вы, это понимаете?

— Да, конечно, ваше превосходительство.

— И, вы должны быть очень деликатны, уметь не разносить то, что услышите во Дворце... И, общество... Я имею ввиду дам Высшего Света... Для офицеров полка являться на балы Государя не просто привилегия, а обязанность... И, вы обязаны уметь развлечь дам. Теперь вы не просто служите Государю, но и стали Рыцарем, притом под знаменем Иоанна Иерусалимского. А Рыцарь обязан быть галантным, то есть подлинно Блестящим во всём... Вот, и девиз нашего полка: «Nobless obligade» Исключительность обзывает... Мы, истинные аристократы, Бурлин...

— Постараюсь оправдать, ваше превосходительство!

— Надеюсь, через два года, выпуститесь в мой полк корнетом. Но, как вам будет известно, не все корнеты остаются в Кавалергардах. В полку, откроется лишь две вакансии, не более того.

— Я, понимаю!

— Назначаетесь в четвертый эскадрон, под начальство князя Репнина -Волконского, Николая Александровича. Как я слышал, ваш конь вороной, это как раз масть вашего эскадрона. И, ещё и строевого коня получите от казны. Далее, по службе... Начальником всей лейб-гвардии безсменно у нас Государь Цесаревич, Константин Павлович. Он требователен и строг по делам службы. Следит, и за всем, вникает во все мелочи, так что будьте уверены, ни единый промах и упущение не оставит без внимания. А квартированы будете с другими юнкерами полка, сегодня с ними и познакомьтесь. Господин Альбрехт вас проводит, и ознакомит с распорядком дня в полку.

— Благодарю, ваше превосходительство!

— Ну, идите, юнкер. Надеюсь на ваше усердие в службе. Представьтесь начальнику вашего эскадрона!

— Так точно, ваше превосходительство!

Тут опять скрипнула дверь, и Бурлин снова поднялся, и резво вытянулся в струнку. В кабинет шефа полка зашёл уже знакомый ему, сам полковник Репнин-Волконский. Тот офицер, который и принял его в полк.

— Ваше высочество! Прибыл в полк, назначен в ваш эскадрон! — рапортовал, не мешкая, Бурлин.

— Рад этому, юнкер. С распорядком дня вас ознакомит Альбрехт. Вникайте в мелочи службы. Идите.

Более успокоенный этим разговором, Алексей смог наконец, покинуть кабинет шефа полка.

— Ну что. Алексей?

— Представлен шефу полка, и начальнику эскадрона, Николаю Александровичу Репнину-Волконскому. Теперь, как и ты, эстандарт-юнкер в полку. Всё идёт, как надо.

— Так командир полка, генерал -майор Николай Иванович Депрерадович, в отлучке. Что же? Всё отлично. Пойдём в расположение, поглядим, где наши квартиры.

Они прошли мимо плаца, где унтера занимались с рядовыми, отрабатывая строевые движения. Тут бравый, усатый вахмистр, наблюдал за этими екзерсисами, выполняемыми под звуки флейт.. Да покрикивал, подбадривая подчиненных:

— Зиновьев, Радов! Следите, как ходите! Не вырываться из строя! Григорьев, поправь каску! Вот, молодцы!

Однако, что было удивительно, обходились без площадных выражений, да тычков. Вполне, то есть, ладно и красиво.

— А конные занятия, Александр? -не очень понял Бурлин, — наш же полк, же кавалерийский?

— Кони раскованы, сейчас на вольном выпасе. Им ещё отдыхать четыре недели. Да и твой, который для строя, со всеми пасётся. Поэтому, солдат обучают маневру пешими, но, как для конных, дабы запомнили все перестроения. Конные учения ближе к осени начнутся.

— А в караулы, к дворцу? Выставляют же?

— Там, у покоев императора, несут службу только офице-

ры полка. И, не в белых мундирах, а красных. Ну, нас, юнкеров, туда не назначают. Не беспокойся, Бурлин... Сегодня вечером нас ожидает некая битва...

— Уже? И где же, Альбрехт? — с лихостью в голосе спросил он.

— Для сей битвы, нам потребно некое снаряжение. Вот, ознакомься.

Алексей открыл конверт, и прочёл:

«Двадцать бутылок шампанского, три фунта апельсинов и фунт лимонов».

— Собственно, это не пара пистолетов, карабин или парадный мундир, — скромно отметил Бурлин.

— Необходимая часть, церемониал юнкеров полка. Можно сказать, шампанское сейчас- истинное оружие.

— Ну, может быть... — неуверенно ответил Бурлин, и глянул на денщика.

— За час обернусь ваше благородие, только вашу бричку возьму.

Алексей кивнул, для верности пожал плечами. Что делать? Если надо, значит, надо, как без колебаний решил Бурлин для себя.

Стол и угощение было вполне простецким, однако, фужеры Фёдор смог добыть хорошего стекла. Бурлин огляел всё, и остался доволен.

— Благодарю, Фёдор. Вот, за труды, — и насильно вложил

в руку денщика целковый, — можешь отдыхать.

Помещение освещалось дюжиной сальных свечей, так что темно не было, вполне вышло прилично. Но вот, дверь распахнулась, и стали заходить сосуивцы, во главе с Альбрехтом.

— Юнкер Тимрот шестой, Христофор Андреевич, первого эскадрона. Юнкер Зимин второй, Лука Фомич, тоже из первого. Миних, Юлий Рихардович, из второго, Эссен, Карл Людвигович, из второго. Щукин, Николай Иванович и Коренев Григорий Иванович, из третьего. Астер, Вильям Иоганнович и Шухов Иван Ильич из пятого. Вот, все и в сборе.

Бурлин с чувством пожал руку каждому из гостей. Все расселись, а Алексей принялся не слишком ловко освобождать бутылки от фольги.

— Пока неопытен, так скоро научится, — заметил Альбрехт, приходя на помощь другу, — только к нам и определился!

Александр ловко принялся наполнять фужеры пенящимся напитком, и первый, поднялся.

— Ну что, вот, и ещё один товарищ вошёл в наши славные ряды! Так поднимем бокалы, и пожелаем удачи Бурлину!

Алексей, отпил немного, чуть не задонулся с непривычки. Искристое вино сразу уарило в нос, и разом в голову с непривычки. Раньше, иолодой человек, и не прикасался к бутылке, избегая сетей лукавого Вакха. И, поставил бокал на стол недопитым.

— Нет, так не годится, — строго проговорил Зимин, — ты, брат, должен за нас, за каждого, по фужеру испить. По обычаю заведенному среди кавлергардов.

— Именно так. Как заведено среди истинных рыцарей! И настоящих крестоносцев! — упрямо кивнул Миних, потрянув своими тёмными кудрями.

Да, тут в памяти новообращенного возник флаг Святого Иоанна Иерусалимского, Белый крест на Красном фоне, знамя их привилегированного полка, столь близкого самому Государю.

Деваться было некуда, и, Бурлин призвав на помощь всё своё везение, приступил...

Первые два бокала выпил легко, ощутил лишь свежий вкус этого выдержанного, искристого вина. Третий, четвертый и пятый тяжеловато шли... Шестой, седьмой и восьмой, ощущались, словно часть средневековой пытки. Девятый же и десятый, были, словно вода...

— Вот, молодец! Ты принят! — засмеялся Тимрот.

— Так я знал, что пойдёт неплохо, и захватил три бутылки вина, — с ехидцей в голосе заявил Эссен.

— Так и я, подготовился. Как Альбрехт сообщил о сегодняшнем кутеже. У меня пара бутылок венгерского! — заметил Коренев.

Тут Бурлин лишь страдальчески сдвинул брови и поднял глаза к потолку их скромного жилища. Ничего там увидеть не смог, кроме пожелтевшей побелки. Сочувствия, понятно,

не почувствовал. Ответом ему был лишь громкий хохот собравшихся.

Служба

— Барин, вставайте... Вставайте, барин... Рожок зазвучал, построение... Торопиться надо...

Голос Фёдора просто бил по ушам. Немилосердно, без снисхождения, вырвал Бурлина из сладкого плена Морфея. Он с трудом открыл глаза, как ему показалось, непреклонно и гордо кивнул головой. Но, даже не поднялся с матраса.

— Умываться... — прошептал он.

— Что сказали? -не понял денщик слов хозяина.

— Таз с водой неси! — чуть не крикнул Бурлин, и уронил ноги на пол.

Сапогов же, отчего-то не оказалось, чему Алексей был удивлён. Вчера-то точно, был в сапогах, это он припоминал. Потому пребольно ударился голыми пятками о дощатый пол.

— Вот, ваше благородие. А сапоги вот, я и почистил, — объяснил сразу денщик.

Фёдор присел, и ловко обул барина, а затем и застегнул мелкие пуговицы на его кирасирских рейтузах. Затем, повесил на спинку стула кирасирский белый колет, с малиновым воротником, украшенном золотыми гвардейскими петлицами. Бурлин заметил Алексей, сняв рубашку, принялся быстро умываться, приводя себя в порядок. Холодная вода про-

извела чудесный эффект, действие оказалось подлинно волшебным. Сразу полегчало, и он быстро присел на свободный стул. Фёдор, не мешкая принялся за дела, гребнем принялся расчесывать ему волосы, а затем, посыпал их пудрой. Юнкер, глядясь в зеркало, поглядел, как седеет, прямо на глазах.

Наконец, всё было готово. Он, с помощью денщика, одел колет, прицепил и портупею с палашом, не была забыта и каска. Вот, вышел во двор, где его уже ожидал Альбрехт. Александр курил трубку, пуская сизый дым в утреннее небо.

— Пошли, нам пора. Сидор, забери мою трубку.

Его денщик, с невозмутимостью мраморной статуи, забрал курительный прибор, и спрятал в сумку. Слуга не был особо разговорчив, как заметил Алексей. Альбрехт сам был при полной экипировке, с палашом и лядункой на перевязи, в каске, уже готовым к построению.

Ну, а вахмистр их четвёртого эскадрона, не терял и секунды. Все строевые солдаты, выполняя распоряжение унтеров, встали в три шеренги, по сорок человек в ряду. На правый фланг встали господа офицеры, ротмистр, штабс ротмистр, поручики и корнеты, Сухтелен и

Затем подошёл и сам полковник Репнин -Волконский. Юнкера стояли чуть позади. Репнин кивнул, и сразу представил Бурлина:

— Господа, у нас немалое пополнение. Хочу вам представить Алексея Михайловича Бурлина, теперь он юнкер в нашем эскадроне.

Алексею пожали руку каждый из этих блестящих офицеров, и, он запомнил каждого из своих новых сослуживцев:

Ротмистр Иван Дмитриевич Дмитриев, штабс-ротмистр князь Иван Алексеевич Кропоткин, поручики Платон Иванович Каблуков 1-й, Евдоким Васильевич Давыдов 3-й, корнеты Павел Петрович Сухтелен и Лунин Никита Сергеевич 2-ой.

— Вахмистр Матюшин! — обратился Репнин, — наш новый юнкер, Бурлин. На неделю, с утра с солдатами пусть шагает в рядах, изучает перестроения. Должен понять место в строю, да службу почувствовать.

— Так точно, ваше высококорodie! Всё исполню! — живо ответил вахмистр.

Алексей ещё раз оглядел видного собой Матюшина. Стройный, усатый, с идеальной выправкой, прямо образец рьяного фрунтовика.

Так что скучать теперь не приходилось. Бурлин, спозаранку, маршировал с утра и до самого обеда в составе первого взвода своего эскадрона. Раньше казалось, что тут сложного? Но, не совсем простая была наука, ходить в ногу, да лихо поворачивать со всеми заодно. Запомнил и все сигналы медного рожка. И то, в бою разве солдаты, в грохоте пушек и ружей, могут ли услышать голос командира? А, звонкий и требовательный звук рожка, дело другое. И то, каждый сигнал, трубят по-разному.

После маршировки, Матюшин повёл взвод к деревянным столам, на которых лежали карабины и пистолеты. Ну, к такому, Бурлин и дома пообвык. Схватил карабин, привычно осмотрел замок, курок и ввинченный кремень, открыл полку замка.

— Отставить, юнкер! — зычно крикнул вахмистр, — всё, только по моей команде! Главное, в обращение с ружьями да пистолетами, так это, друг друга по глупости не перестрелять. И особо, когда верхами, в да рядах. Но, юнкер делал всё правильно. Нечего в ствол заглядывать, искать то, чего там нет... Ясно, что для начала следует проверить замок, что бы не был взведен курок. Тогда, ружьё по оплошности, не выстрелит. Шомполом, проверить ствол, прочистить, и тогда и заряжать, притом, шомпол в стволе не оставить. Зарядил, подсыпал пороху на полку, и убрал карабин к седлу, а пистолеты- в ольстры. Ясно ли всем?

Никто лишних вопросов не задавал. Собственно, как заметил Бурлин, солдаты были в полку толковые да обязательные, быстрые умом. И, занятие продолжилось. Кирасиры многократно проделывали упражнения с карабином. И, только затем, вахмистр выложил на стол ящик с патронами. Скомандовал:

— Заряжай!

Тут уж Бурлин управился быстро, зарядил. Вахмистр прошёл вдоль строя, придирчиво осматривая замки оружия. Затем, встав с правого фланга, приказал:

— К ноге!

И карабины были опущены, приклады ружей уперлись в землю у правой ноги каждого рядового.

— Прикладывайся! Пали!

И ряд стоящих тут солдат, окутался пороховым дымом. Стреляли, не целясь.

— К ноге! Карабины, на руку! Полку, открой!

Вахмистр был требователен, и проверил у каждого, разряжен ли карабин после стрельбы.

— Чистить карабины, затем сдать их унтеру Левкину! Он, всё строго проверит! После, занятия с холодным оружием, фехтование!

Юнкер взял свое оружие, и спокойно и не спеша протер стальной замок. Проверил иглой запальное отверстие, и шомполом, принялся очищать недлинный ствол. Вскоре, всё было готово, и Бурлин спокойно и уверенно сдал ружьё унтеру. Тот, деловито взяв белый доскут ткани, не торопясь проверил чистоту оружия. Оставшись довольным, кивнул юнкеру. Бурлин был обрадован.

Отдыхать было ещё рановато, и, словно зная это, возник, словно ниоткуда, вахмистр Матюшин.

— Становись! — скомандовал он, — в две шеренги, становись! Первый ряд, кругом!

Гаардейцы оказались лицом друг к другу. Но, Бурлин оценил выучку. Ловко, без лишнего вижения, а действовал взвод, словно единый организм.

— Палаш, из ножен, вон! Становись в позицию! Делать медленно, за мной...

И, сам Матюшин, достав свой палаш, принялся показывать удары, уходы, отбивы коинком и рукоятью. Видно было, что вахмистр не только фрунтовик, но и отменный фехтовальщик. Бурлин тоже повторял движения, заметив и нечто новое для себя, неведомое и его учителю фехтования, оставшемуся в родной усадьбе.

— Так... Юнкер, становись передо мной! — приказал вахмистр.

Бурлин встал, опустив клинок вниз. Матюшин принял позицию, отсалютовал, и выставил клинок перед собой. Алексей, сделал тоже самое. Вахмистр, межленно, показывая рядовым вижение ногами и руками, атаковал. Бурлин, принимая правила игры, охотно подыгрывал, легко отбивая стальной клинок. Конечно, палаш куда тяжелее привычной рапиры, но, юнкер старался. Вахмистр, поглядывая на него, фехтовал с новым подопечным, пока Алексей не начал уставать и не раскраснелся.

:Довольно на сегодня, — заметил Матюшин, — отдыхать! Унтер Земцов, следуйте в столовую!

— Есть! — рявкнул в ответ дюжий гвардеец.

Солдаты, быстро построились в колонну по трое, и быстро покинули лужок. По тропинке дошли до деревянного дома, а перед ним стояли большие столы да лавки. Нестроевые разносили миски и ложки, выставляли глиняные кружки. Сол-

дат стали кормить, судя по запаху, густыми и наваристыми щами, а на второе, дали вдоволь отведать гречневой каши.

Юнкер, устроился в стороне. И то, не мог же садиться дворянин за один стол с нижними чинами? Не дело ведь. Так, на чурбачке сидя, и поел. Оценил, как хорошо готовят повара в полку, с душой просто. А затем, и получил полную кружку доброго ржаного квасу, и совсем хорошо стало. Даже пожалел, что окончилась трапеза.

Ну а солдаты, закончив такое важное дело, расселись на траве. Кто-то достал свои трубки, сизый табачный дым повис над лугом. Ясное дело, что сигар нижние чины не имели, а пользовали себя махоркой или крепчайшим самосадам. Бурлин долго глядел, немного завидовал. Тут, конечно, пожалел, что сам не курит, и накрепко себе приказал обзавестись трубкой с длинным чубуком, сделанную на венгерский манер. Решил, что такая, ему обязательно подойдёт.

Конный караул и фрейлины

— А, ты здесь, Бурлин? — отвлёк его от важных мыслей товарищ, — нам сегодня одно дело предстоит, и наиважнейшее... Сам ротмистр Дмитриев особо распорядился.

А Алексей рассматривал две трубки, для табака. С длинным чубуком. как у венгров, и короткая, которую удобно держать в руке. Сложно было решить, и юнкер отложил всё это в сторону, и с деланным спокойствием ответил:

— Обрадовал, Альбрехт. нет слов. И что, выставят нас в пост у государевых покоев?

— Нет, нам сегодня дело поважнее нашлось. Конный караул, на дороге, у леса. Под начальством самого корнета Лунина 2-го.

— Вот как...

— Ну что, поучился ты сегодня у Матюшина?

— Ничего не скажешь, толковый вахмистр. Настоящий фрунтовик, службу знает, как никто.

— Так в нашем полку плохих не держат. В рядах кавалергардов только самые наилучшие, — уверенно заметил Альбрехт.

На такое Бурлин не нашёл что сказать. И то, слова были верные да точные.

— Ладно, пошли, по чашке кофе выпьем, да собираться пора, на развод постов. Сегодня дежурным офицером, сам корнет Сухтелен. Он строгий.

И точно, в комнате стоял густой аромат свежесваренного кофе. А просто сиявший от радости Сидор, уже разливал ароматный напиток по чашечкам.

Алексей просто кивнул, да улыбнулся. Запах, конечно, просто кружил голову.

Дома, ведь кофе всегда маменька варила, обычно по выходным. Все рассаживались за обеденным столом, и, в тишине ожидали, когда хозяйка дома придёт с подносом, уставленном маленькими, синими чашечками и кофейником.

Праздник был полным, когда из погреба доставали фрукты и орехи, вареные в меду. Сидели обычно до поздна, доспевали пироги, и, счастье было просто полным.

Ну, и вкус кофе, сотворенного Сидором, потрясал. С корицей, с гвоздикой, с малой толикой ямайского сахара. Алексей сделал ещё глоток, и ещё, стараясь полностью ощутить вкус волшебного напитка.

— Ещё одну чашку?

Вопрос ыл скорее риторический, Бурлин не мог бы отказаться всё равно. Допил до конца, чувствуя в себе теперь просто необыкновенную бодрость.

— Ну всё, пожалуй, — с сомнением сказал Альбрехт, осматривая комнату, — нам пора.

И то, два товарища быстро добрались до места сбора, где уже стояли кирасиры, держа своих коней в поводу.

— Ваши жеребцы у коновязи, — предупредил молодых людей юнкер.

В полку и казенные кони были хороши, как заметил Бурлин. Дождался, пока Альбрехт выберет себе жеребца, а себе забрал оставшегося. Тут как раз подъехал и корнет Лунин. Было заметно, что офицер откровенно скучал.

— Вы здесь, значит, юнкера? Поедемте. На нас возложена почётная обязанность ограждать дачников от некоторой лихости лейб-гвардейцев. Шеф полка передал известия о многочисленных жалобах обывателей, верных поданных Государя.

Бурлин и Альбрехт ничего не ответили. Алексей и не знал ничего о тих сложностях, а его товарищ предпочитал помалкивать. Лишь многозначительно улыбнулся словам корнета. Видно, понимал, что к чему.

Ехали, правда, не очень долго. Бурлин, собственно, слышал раньше о купальнях, устроенных для их полка. На самом ручье для солдат, а отдельно, в тёплых озерах, для офицеров. И, знал, конечно, о дачах, разбитых в живописных окрестностях императорского дворца.

Места здесь и вправду, красивые и престижные. В летнем театре часто показывался и сам Государь, а выступать в Петергофе приглашали певиц даже из далёкой Италии. Правда, иногда, граф Шереметев или Мусин-Пушкин, привозили и певиц из своих, домашних театров.

Однако, как всегда, случился некий конфуз. Притом, совершенно неожиданно. Заскрипели, зарустели ветки кустов у дороги, и вышел, а скорее, вывалился весьма странный, можно сказать лубочный, персонаж. Бурлин, конечно, не испугался, но был растерян. Собственно, было отчего. Сей господин, с улыбкой на лице, был одет ужасно импозатно, так сказать, на древне-римский манер. Представлял собой образ патриция, застигнутого во время... Но, просто этот мужчина был замотан в простыню, а наряд дополнялся шляпой и ботфортами.

Лунин еле сдерживался, что бы не засмеяться, и поднес к губам платок. Через мгновение, правда, очнулся от такого

морока, и спросил:

— Так а для чего вам, Валуев. понадобились ботфорты и шляпа?

— Важный вопрос, — и «патриций» гордо подбоченился, — не могу же я, в самом деле, нарушать распоряжения начальства. Следовать с купания без головного убора и обуви.

— Довод, без сомнения, веский. Но, лучше идти по той тропе, — и Лунин показал, махнув рукой, — а то уж точно, не избегнуть вам ареста. И не послушают ваших объяснений.

— Видимо, придется идти там. Кузьмич, пошли, — приказал он денщику.

А тот шёл не с пустыми руками, а с мундиром барина, держа белый наряд на манер хоругви, подняв одежды над собой. Вышло всё это, конечно, весьма живописно. И, скоро эта процессия исчезла среди кустов.

— Ну, и слава богу. А то, полковое начальство гневается, — объяснил корнет, — здесь, бывает, и сам Государь изволит совершать конную прогулку. Ладно, дальше поехали.

Тут они проследовали по дороге до перекрёстка, неспешно и шагом. Солнце сильно не припекало, ветерок, слабый и небыстрый, чуть раскачивал мелкие ветки на деревьях, играя листьями. Всё настраивало на лирический лад. И всё бы ничего, да под каской голова у Бурлина потела, и он не раз и не два вытирал своё лицо батистовым платком.

— Ничего, юнкер, привыкайте, — как бы ободрил корнет. А тут и мимо проехал экипаж, гремя колёсами на коч-

ках. Карета была открытая, по-летнему времени. Сидели, уютно устроившись, четыре дамы, при шляпках, прикрывавшихся от солнца летними зонтиками. На козлах сидел лишь кучер. А позади ехал и возок попроще, с служанками этих милых дам. Гайдуков, обычных раньше, сопровождавших в пути людей благородного звания, не имелось. Ну а глазастый Бурлин, заметил, что колесо на задней оси кареты, дребезжит, и, вот-вот соскочит.

— Корнет, я на секунду... — крикнул юнкер. и пришпорил своего коня.

Тот пошёл тяжёлой рысью, и в два счета нагнал карету. Дамы заметили пригожего кавалергарда, восторженно ему замахали.

— Остановитесь! — крикнул Бурлин.

— Да для чего же? — ответила одна из дам, — Вы, милый рыцарь, можете прийти в салон графини Рейнгардт, и будете с радостью приняты!

— Мадам, остановитесь! Карета разобьётся! — теряя терпение, заметил юнкер.

— Да? — не слишком поверила дама, — Савелий, остановись! — и требовательно постучала по облучку.

Кучер, подтянув вожжи, остановил пару коней своей упряжки. Те, сразу встали как вкопанные. А Савелий, трянув левой ногой, отпугивая бабочку, неохотно слез на землю. Потянулся и проковылял по дороге, к карете. Уставился тут на чуть не соскочившее колесо, да потёр подбородок.

— И проверял ведь сегодня, и чеку и ось и, на тебе! — и взметнул вверх руки, словно взлететь собирался, — сейчас, какую слегу найду...

И, потащился к зарослям, непрерывно вздыхая и жалуясь на жизнь.

Нет, конечно, Бурлин оценил куртуазные манеры кучера, такую театральность сцены. Но, всё ему решительно не нравилось. Мучили просто очень гадкие предчувствия. Алексей бросил поводья рядовому, и поспешно соскочил из седла, просто рванулся, поехал к карете к карете. Даже не обращал внимания, как ножны палаша бьют его по ногам.

— Дамы, простите, но лучше сойти на землю! — крикнул он, отдышавшись.

— О, юноша, как вы настойчивы! И, разве можно отказать в этом случае? — ответила с улыбкой одна из женщин.

— Да, если вы поможете нам? — спросила другая, и на французском.

— Такой милый кавалергард, — улыбнулась и третья, — скоро бал во Дворце, и я была бы рада, потанцевать с вами.

Четвёртая молчала, хмурилась, часто поглядывала на юного гвардейца. Но, первая требовательно подала руку юнкеру. Тот поддержал её, и дама сошла на землю, шелестя подолом шёлкового платья. Затем, Бурлин помог и второй, и иноземной красавице с чёрными кудрями, так мило обрамлявшими её смуглое, точёное лицо. И, успел поймать на руки даму, свою собеседницу. Всё, сидевшие в карете, избежа-

ли опасности.

У кареты всё же отвалилась задняя ось, и столь помпезное сооружение с грохотом осело на землю, упало на бок, спутав построжки. Хоршо, что солдаты смогли ухватить поводья, умерив пыл лошадей из упряжки. Бурлин повернул голову, и услышал:

— Что же отворачиваетесь, мой спаситель? — с улыбкой проговорила женщина.. — или, я теперь в вашем плену?

— Что вы... Просто не мог поступить по-другому.

Бурлин всё чувствовал на руках её тело, она вовсе не была невесомой. Он ощущал запах духов, её сильную руку на своём плече. Понял вдруг, что мучительно покраснел, и поспешно опустил красавицу на землю. Всё, правда, закончилось очень быстро, а ему же показалось, что прошла целая вечность.

— Вы очень милы, мой рыцарь, — заметила спокойно дама, — буду рада, если посетите наш дом, на второй линии. Княгиня Глинская, Елизавета Ивановна.

— Юнкер Кавалергардского полка Алексей Бурлин.

— Ваше сиятельство, я послал солдата за каретой, — добавил подъехавший корнет, — Лунин 2-ой, к вашим услугам!

— Будем вам благодарны, корнет! — заметила Глинская, — мой салон, конечно, приятное место для общения. И, у меня гостит сама Изабелла Ланчини, певица из Италии. Любезно согласилась посетить нашу северную Палестину.

Графиня очень мило кивнула черноволосой женщине. Та, видно, поняла, что говорят о ней, и с некоторым кокетством сделала книксен. И эта дама, была необыкновенно хороша собой, полная обаяния и прелести нездешней, южной красоты.

Ещё забавнее было смотреть на Лунина. Тот не усидел, и мигом спешился, слез со своего вороного коня. Даже не посмотрел, подхватил ли повод рядовой. Но, поцеловал руки всем дамам, считая это своим первейшим долгом.

Правда, эту идиллию, на лесной дорожке, прекратилась с приездом открытой повозки. На козлах сидел денщик, везде успевающий Фёдор. Он был невозмутим, словно целый день готовился исполнить такое важное дело. Ну а корнет, как старший по званию, взял на себя важнейшее дело — подерживал дам, помогая им расположиться в повозке. Ну а Бурлин, подошёл к денщику, и спокойно проговорил:

— Затем, Фёдор, возвращайся на квартиру, не медли. И повнимательнее в дороге.

— Всё исполню, барин, не сомневайтесь.

Да Бурлин не сомневался, конечно. Просто показал этим красавицам, что это его денщик. Так сказать что бы не было сомнений, или там, каких неточностей.

Наконец, повозка тронулась, Алексей чуть поклонился, как впрочем, и Лунин.

— Бывает же такое, — чуть потрясенно проговорил Алексей.

— Здесь, Бурлин, бывает и не такое. Однако, юнкер, теперь дамы не забудут вас своими милостями. Глинская, да и та, молчаливая, Орлова, они фрейлины самой государыни. Так что ваше рвение, уж точно, не будет забыто. Ну ладно, едемте далее, наш дозор ещё не окончен.

Юнкер кивнул, и спокойно опять уселся в седло. Поиграл стремянем, покачивая ногой, и послал своего коня вперёд, шагом. Поглядел вслед уезжающей карете. Сейчас думал о Глинской, а вот мысли о Анне Григорьевне, совершенно улетучились из головы. А Бурлин, даже и поругать себя за такое не захотел или не смог. Хотя, конечно, был бы рад увидеть девушку, которой каждую неделю писал, отправляя послания с нарочным.

Новая партия для Анны Григорьевны Куролесвой

Анна неторопливо и спокойно занималась делом. В общем, ничего такого, просто неспешно, не торопясь, вышивала. Надо сказать, она не считала подобное занятие трудом, а скорее, равлечением. Приятно было разбирать шёлковые нитки, готовить пяльца, натягивая на стальные кольца нежную ткань. Далее, не спеша присесть на диване, или устроится в кресле, прикрыть ноги мягким покрывалом, и, начать вышивание. Папенька, Григорий Ильич, не препятствовал этому никогда, а даже поддерживал дочь. Самолично привёз шелковые нитки, отрезы, из Астрахани, куда был послан по

казённой надобности.

Анна привычно приготовила нитку с иголкой, сделала несколько пробных стежков. Опять глянула на свои приготовления. Осталась вполне довольная собой. Тут, правда, не обошлось без помощи, хотя, барышня всё любила делать сама, как ей сердце подсказывало. Однако, в этот раз рисунок из французского журнала ей принесла подруга, Мария Семибратова. И так ведь приговаривала, на прощанье:

«В этом простом цветке, заложен глубокий философский смысл, понятный, впрочем не каждому!»

И, как уходила, долго кивала головой. таинственно улыбалась, а Анна, едва не рассмеяась, увидев такие сложности.

Девушка вздохнула, и продолжила вышивать нарисованный цветок чертополоха. Его соцветие выходило ярким-ярким, кроваво-красным, в окружении густо-зелёных колючих листьев. И для них нашлись блестящие шёлковые нитки. Но, сам рисунок, опять привлёк её внимание. Такая неяркая красота, но, так страстно себя защищавшая... Анна в задумчивости осторожно провела подушечкой указательного пальца по шёлковой глади цветка, словно боялась наколоться об острую колючку.

А тут, в комнату, вошли её родители, Григорий Алексеевич, и Зоя Павловна. Оба улыбались, словно случилось нечто необыкновенно хорошее. Странно это было, обычно, в такое время её никто не беспокоил.

Ну, а их дочь, в тревоге, вскочила, а покрывало и шитьё

упали на пол. Анна, поспешно бросилась поднимать.

— Подожди, доченька... Дай-как нам поделится с тобой большой радостью... — начал говорить папенька.

Впрочем, тоже был обеспокоен, взолнован, и без конца одергивал ворот своего шёлкового домашнего халата. Маменька с беспокойством поглядела на отца, и чуть нервно повела плечом.

— Да, вот, Аннушка... К тебе сватается хороший, богатый жених, полковник Ладожского пехотного полка, сам Михаил Аркадьевич Костецкий. — начал речь господин Куролесов.

— У него пятьсот душ крепостных, да несколько деревенек, полотняной завод, — добавила маменька, — доход выходит, немаленький. А видный собой мужчина. Красавец... Все тебе завидовать будут.

— Сколько же ему лет? — неуверенно спросила девушка.

— Сорок только исполнилось. Статный да видный, отличная партия для тебя, — объяснила маменька, — Из хорошей семьи, влиянием.

— Да я же... Вот, Алексей Михайлович Бурлин, мне всё время пишет. И вы, его в доме принимали... Тоже он, из хорошей, богатой семьи молодой человек... И такой приятный...

— Так молод он ещё, — и Григорий Ильич, присел на стул, глядя на дочь, как на неразумное дитя, — вы с ним, ровесники... Разве такое годится? Где уж ему семью заводить, в его-то годы? А ты уж и в возраст вошла, шестнадцать

уже исполнилось. Такого жениха больше ты и не получишь более... Хороший он офицер, на виду у государя. Глядишь, лет через пять, Костецкий в генералы выйдет.

— Да не люблю я его... — и Анна ударилась в слёзы.

Отец и мать переглянулись, вздохнули согласно. И, маменька принялась утешать неразумное дитяtko

— Не сразу это поймёшь, что жених хорош для тебя... — и Зоя Павловна поцеловала в лоб свою дочь, успокаивая, — Присмотришься, подумаешь. А про него только хорошее говорят. И нам спокойнее будет. Ты и о нас подумай, доченька... За таким супругом всегда в спокойствии будешь.

— Я и его портрет принёс, — тихо проговорил Григорий Ильч, поставив на стол небольшое изображение, — погляди. Видный, ответственный человек.

Анна, сквозь слёзы поглядела на картину. На неё смотрело тонкое волевое лицо, с выразительными глазами. Судя по портрету, Костецкий был неплох, для своего возраста, конечно.

— Завтра к нам обедать припожалует. Ты уж, выйди, прими дорогого гостя, — не приказал, а именно попросил Григорий Ильич.

— Будь умницей, дочка. — проговорила и Зоя Павловна, добавив и свою копеечку, и поцеловала, успокаивая в щёку милое дитяtko.

Оба родителя покинули спальню своей дочери, переглянувшись с чувством исполненного долга. А Анна, упав на

колени, разрыдалась, в тяжком изнеможении. Руки да ноги словно онемели, подняться с пола даже не могла. Долго глядела она вышитый ею репейник, блестящий пурпуром и зеленью на белом шёлке, и тихо шептала про себя:

«Ты, вот, хоть и красив, да колюч, можешь за себя постоять... А я... Совсем я слабая...»

Первая стража

— Доброго дня, господа! -громко проговорил Лунин, привлекая к себе внимание, — князь Репнин напоминает, что сегодня, к десяти часам, офицерам эскадрона надлежит быть у парадной дворца Государя. Его величество следует на службу в церковь рядом с Большим Дворцом.

Бурлин уже видел этот пятиглавый собор Петра и Павла, возведенный в царствование Елизаветы Петровны самим Бартоломео Растрелли, но внутри ещё не бывал. По слухам, там всё сияет красотой и изысканной роскошью. Приказал сам себе, что непременно посетит это место.

— И, сегодня в парадном, красном мундире. Увидишь, нашу службу.

Фёдор уж не мешкая, извлёк из сундука красный мундир, и, вооружившись щёткой, принялся приводить в порядок всю эту амуницию. Алексей же неспешно одел свежую рубашку.

Но вот, верхами шли к дороге, где приселились к офицерам эскадрона. Они еали люгкой рысью, во главе с князем

Репниным, командиром эскадрона.

Спешились у коновязи, лошадьми занялись дворцовые гренадеры. А кавалергарды, минуя стражу, выстроились у Парадного входа.

— Стоять смирно, господа! Мы, будем на глазах у самого императора! — напомнил Репнин.

Полковник обошёл строй офицеров и юнкеров, и, кажется, остался вполне доволен выправкой своих подчиненных. Они выстроились, и приготовились, ожидая...

Сам Государь вышел из Парадной ровно в девять часов. К нему были прикованы взгляды всех царедворцев, ведь, без сомнения, он был так молод и красив. Чистое, правильное лицо, было бедным и сосредоточенным. Великолепно сложен, благородная осанка выделяла его из генералов свиты. Правда, судя по манерам, Александр Павлович чувствовал себя зажатым, словно запертым даже здесь, в прекрасном Петергофском парке, в своём собственном дворце. Он что-то тихо и учтиво проговорил генералу Аракчееву, а затем, и генералу Уварову. Тот, кивнул, и быстро прошагал к страже кавалергардов, и проговорил:

— Добрый день, господа. Государь весьма доволен вашей выправкой и рвением к службе, и приносит свою благодарность. Спасибо вам, князь, — сказал он именно для Репнина.

— Лестна похвала от Государя, — ответил командир эскадрона.

— И, вижу рвение к службе и юнкеров, — добавил граф

Уваров.

Генерал-адъютант вернулся к свите, а Бурлин чувствовал, как улыбается. И то, похвала от шефа полка была так приятна! Ну а тут, все офицеры вытянулись в струнку.

Двери были отворены, и Бурлин сначала подумал, что их посетил сегодня, в это яркое утро, сам Ангел Господень. По лестнице спускалась сама императрица Елизавета Алексеевна, сияя неземной красотой. На ней было белое утреннее платье, соломенная шляпка прикрывала прелесные белокурые волосы. Черты лица поражали красотой и правильностью, этот идеальный греческий профиль, большие голубые глаза, сочетались с четким овалом лица. Фигура, удивляла изяществом и грацией, летящей походкой она прошла мимо своей почётной стражи.

Ну а затем, следовали статс-дамы, и среди них и могущественная Головина, а чуть позади, среди других фрейлин, Алексей заметил и свою знакомую, графиню Глинскую. Пожалел, что сейчас в каска скрывает его лицо, думал, что не будет в такую минуту узнан. Но нет, эта великолепная дама мило улыбнулась ему, и, поспешно отвернулась. Рядом шла, и та, немного хмурая женщина, которую он тоже запомнил. И, первой помог выбраться из кареты.

Когда свита государыни исчезла в церковном портале, Альбрехт повернулся к другу, и тихо спросил:

— Да ты брат, уже попал в высшие сферы? Познакомился с Елизаветой Ивановной Глинской и княжной Натальей

Петровной Друбецкой?

— Пожалуй, только с княгиней Глинской. А та, вторая? Кто это за дама?

— Ну та, что недовольно хмурилась, когда Елизавета Ивановна дарила тебе знаки внимания. Она и есть, Наталья Петровна Друбецкая.

— А, понял... Немного вот, жарко, в супервесте поверх колета, — невпопад ответил Бурлин.

Молодой человек поправлял красную накидку с белым крестом. Она чуть топорщилась, теряя внушительный вид.

— Такая наша служба. Красный мундир, да и супервест в придачу, — заметил Альбрехт, — А вечером, нас ожидает бал... Будь готов, Алексей.

Первый бал

Скажем так, Бурлин, раньше слышал о балах. Обычно, подобные торжества устраивали их соседи, Каменские. К большому павильону Главного Дворца их усадьбы съезжались гости на прекрасных каретах. Знатные господа и дамы старались удивить друг друга дорогими конями, дамы блистали шёлковыми новомодными платьями, и многотысячными драгоценностями.

Они, ещё мальчишки, лишь могли наблюдать из-за кустов за всей этой суетой, представляя, как сами будут входить в эту залу, оасцвеченную огнями, с праздничной иллюми-

нацией. Как будут сиять в свете сотен свечей их наряды, а туфли скользить по натёртому воском паркету, кружиться в танце с милыми барышнями. Ведь там, на балконе, станет играть чудесный оркестр, выдывая лучшие мелодии для собравшихся. Полонез, Гавот, Лендлер, Мазурка, и, Котильон, может быть, будет исполнен какой-нибудь прелестницей и *pas de shale* (Па-де-шаль).

— Фёдор, готов ли мундир для бала?

— Так всё в полном порядке, барин, — с чувством исполненного долга ответил денщик.

Он ободряюще поглядел на юношу, а Алексей уж ожидал, что тот погладит его по голове, успокаивая. Как бывало ещё в том далёком теперь детстве. Но, Бурлин, проговорил про себя, что, спокоен, собран. В самом деле, к чему были эти дурацкие сомнения? Не зря же его обучал настоящий французский гувернер, всем фигурам танца.. Ну, конечно, и фехтованию. Правда, мсье Жастин Вердьё, что бы, наверное, оттенить свои старания, озвучил для него к тому же и самые изощрённые французские ругательства. Так что, Алексей Михайлович чувствовал себя к выходу в свет вполне подготовленным человеком.

Ещё раз посмотревшись в зеркало, Бурлин остался довольным собой. Иундир, панталоны, бальные туфли, всё было в порядке.

— Барин, а шпагу? — подал денщик опять голос.

— На бал, это не берут. Как и пистолеты, Фёдор. Сейчас

готовь мою двуколку, и подождём Александра Ивановича.

— Конечно, барин. Уже иду.

— Чистую рубашку мне не забудь.

— Будет сделано, барин.

Ну, а на дворе Бурлин занялся важным делом. Вооружился только купленной трубкой, и принялся набивать её славным, «капитанским» табаком. Выдохнул, в тревоге, и всё же закурил. Тут же закашлялся, но, бросить и не подумал.

— Отличная трубка. Доброе утро, Алексей, — поздоровался с ним Альбрехт.

— Доброе утро, Александр. Сейчас Фдор подаст нам экипаж и поедem.

— Сидор на запятки встанет. Куда я без денщика?

— Согласен, — добавил Бурлин.

Он снова затянулся из трубки, и опять закашлялся. Альбрехт напустил на себя полную невозмутимость, делая вид, что ничего не происходит такого... Бурлин же, словно в заывчивости, оставил дымящуюся трубку на столике, и, немного позорно ретировался.

— Une journée de merde! (какой дерьмовый день) -вырвалось у него.

— Ce n'est as si mal. (не так все и плохо) — ответил Альбрехт с улыбкой.

Тут подкатила повозка, с сидевшим на козлах Федором. Юнкера расположились на сиенье, а Сидор, встал на подножки.

— Но, болезные! — взбодрил лошадок денщик, — «Тот живёт в добре, у кого лошадь на дворе»! — выдал Фёдор свой очередной опус.

Однако, пара в упряжке, бежала вполне себе весело, и доехали до Большого дворца быстро. Тут уж съехалось общество, кареты отъезжали, высадив дам и кавалеров у входа в залу. Встречал гостей,, понятно, не хозяин торжества, а дворецкий в нарядной ливрее. Пара за парой поднимались по мраморной лестнице, освещаемой уже фонарями. Правда, гостями были и семьи, как и дамы, без спутников, лишь с доннами. Заметили и офицеров полка, некоторые были и с супругами. Ну, а Бурлин и Альбрехт, бодро ступали по ступенькам лестницы, нисколько не думая об опасностях, как и надлежало поступать истинным рыцарям.

Считалось же, что бал проводит вовсе не император, а граф Николай Петрович Румянцев, министр Коммерции в Комитете министров. Вот и сейчас, граф Румянцев, у входа в залу, встречал гостей праздника. Что удивительно, этот важный сановник был один.

— Добрый вечер, господа кавалергарды, — поздоровался граф, — приятно видеть вас здесь.

— Благодарим за приглашение, ваше сиятельство! — отвечал Альбрехт.

— Передам привет от вас, юноша, вашему батюшке, — был ответ Румянцева, — веселитесь, в эту летнюю ночь! *Carpi diem*, господа!

Бурлин понял слова важного сановника. Живи настоящим, жии, пока ты жив! Что могло быть вернее, чем эти слова! Правда, был и удивлён кавалергард. Как же так, не был женат граф Румянцев, столь богатый и знатный дворянин? И, тихо сказал, так что бы слышал только Альбрехт:

— Отчего же граф не женат?

— Большая тайна, Алексей. Впрочем, известная каждому. Но, предупреждаю, об этом не говорят вслух.

— Буду молчать, как все...

— Румянцев состоит в связи с императрицей Марией Федоровной, вдовой Павла Петровича. Такая вот печальная история...

Альбрехт это сказал, буднично, спокойно, чем окончанчательно поразил Бурлина. С другой стороны, юнкер припомнил Потемкина Таврического, графа Орлова, и ещё некоторых... Фаворитов императрицы Екатерины. Разумовского, фаворита Елизаветы Петровны. Но, уже было не до того, они встретили Лунина, Никиту Сергеевича. Тот, подошёл к товарищам.

— Что же господа? Там, в комнате, подают прекрасное вино. Соблан слишком велик, и надо что-то делать... Предлагаю, испить по бокалу, и не медля! — предложил корнет.

Юнкера переглянулись. И то, предложение было слишком явным и сильным, что бы от него отказываться. И оба, не стовариваясь, согласно кивнули.

Прекрасно вышколенный лакей в ливрее, в белых перчат-

ках, скрывавших руки, разливал вино по бокалам. Отлично охлажденное, медвяного цвета, влекущее и обещавшее отдохновение от всех болей и забот. Звон муранского стекла, а затем и пара глотков вина подняли настроение Бурлина.

— Может быть, ещё? — заметил Лунин.

Альбрехт отрицательно качнул головой, и поглядел на Алексея. Тот сотворил озабоченное лицо, и выдал:

— Важное дело, Лунин. Сами понимаете. Нам надо идти.

И пока корнет, призадумавшись, искал подходящий и разумный ответ, юнкера ретировались, покинули это поле битвы. Собственно, начал играть придворный оркестр, расположенный на балконе танцевального зала. Товарищи встали у стены, наблюдая за собравшимися.

— Господа, вы здесь, — отметил важное князь Репнин-Волконский, их командир, — моя супруга, Варвара Алексеевна.

Юноши поклонились, щёлкнув каблуками, и по очереди приложились к руке столь важной дамы. Да, семья Репнин-Волконских была богатейшая и знантнейшая, а Варвара Алексеевна отмечена вниманием императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра Павловича. Да и вправду сказать, госпожа княгиня была на редкость красива, той яркой, блестящей красотой, что отличает женщин с тёмными волосами. Правильные черты лица, яркие, карие выразительные глаза были просто необыкновенны.

— Очень приятные юноши, — благосклонно отметила

Варвара Алексеевна, — сейчас уже начнётся танец, и вам следует найти себе подходящих дам. Иначе, здесь сочтут, что кавалергарды излишне стеснительны.

— Да, Альбрехт и Бурлин, у кавалергардов есть репутация, и вы должны соответствовать, — отметил князь.

— Непременно, — отметил Александр, — присматривали партию получше!

Варвара Алексеевна премило улыбнулась, впрочем, спрятав лицо за раскрытым веером. Правда, к счастью, командир эскадрона с супругой покинули их, поспешив к графу Румянцеву.

— И вправду, пора действовать, Бурлин.

— Несомненно...

Или повезло, или просто так уж случилось, звезды видимо сошлись, но, Алексей заметил знакомую ему даму, княгиню Елизавету Ивановну Глинскую. Не одну, в обществе видного и пожилого сановника, при орденах и лентах. Теряться было бы нельзя, тем более, что его заметили. Юноша бодрым шагом приблизился, кивнул, представился:

— Юнкер Кавалергардского полка Бурлин, позвольте пригласить вашу даму на танец!

— Я тебе говорила, Фёдор Иванович, вот наш спаситель! Помог нам благополучно добраться до нашей дачи!

— Признателен вам, молодой человек! Буду рад вас видеть в своём доме! И, — он улыбнулся, — ваш денщик, весьма занятен!

— Слишком много общался с моим гувернером Вердые, ваше сиятельство. Освоил французский и латынь, едва не лучше меня. Но, очень исполнительный и толковый.

— Елизавета Ивановна, прошу, — супруг поцеловал жене руку, и передал, как величайшую драгоценность, юнкеру.

Алексей, поклонился, и повел даму к уже собиравшимся парам. Распорядитель, с жезлом в руках, стоял и ожидал. Дирижер, только ожидал, и вот, последовало... Три удара жезлом о паркет, и скрипки и волторны принялись выводить торжественную мелодию Полонеза... Тут уж Бурлин не поверил глазам- открывал бал сам Александр Павлович с супругой, Елизаветой Алексеевной. А за ним, шествовали граф Румянцев и вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. Честью не был обделён князь Репнин-Волконский, с супругой, Варварой Алексеевной, шедшие за ними.

Бурлин старался выказывать некую отвлечённость, может быть, пресыщенность, отстраненность. Что мол, его-то, не так уж впечатляет свет, отражённый от хрустальных люстр, чудесная музыка, а уж тем более, и светское общество, собравшееся здесь. Но, только до тех пор, как не бросал восхищенный взгляд на свою даму.

Княгиня Глинская же гордо шествовала под перьями, украшенная цветами и бриллиантами, иногда бросая взгляды с видом казущейся невинности, легко управляя волнами шелка, чуть пристукивая каблучками своих парчовых туфель. Наборный дубовый паркет этой залы, уж верно, был

недостойн нести на себе эту красоту. Иногда княгиня обмахивалась веером, словно скользившим в её гибких худых пальцах. Шла, словно не замечая пристальных, восхищенных и завистливых взглядов из галереи, как истинная леди Годива. Она была очень горда, что оказалась здесь, и рада происходившему. Да и кавалер, оттенявший её красоту, словно отличная оправка для драгоценных камней, был хорош собой. Княгиня даже похвалила себя, за этот прекрасный выбор.

Елизавета Ивановна была просто великолепна, и Алексей припомнил пословицу, и тихонько проговорил вслух, желая польстить женщине:

— *Et vera icessu patuiit dea*, Богиню видно по походке, как говорил сам Вергилий.

Женщина быстро бросила яркий взгляд из под чуть опущенных ресниц, и чуть сжала его пальцы в ответ.

Танец же словно не желал заканчиваться. Оркестр желал превзойти сам себя, стараясь впечатлить высокое общество, а уж особенно, Александра Павловича.

Ландлер под иуыку Моцарта. Они прошли вдоль линии танца, поднял, они сделали полный поворот, не разнимая рук. Алексей обвел даму вокруг себя, держа правой рукой а левую, затем, коснулись ладоней друг друга. Елизавета, кружась, чуть отошла от Бурлина вправо, прошла чуть вперед, и повернулась к нему. Алексей, скользя под музыку, встал спиной к даме, и, они резким движением, оказались лицом

друг к другу, а Глинская положила правую руку кавалеру на правое плечо. Танец продолжался, Бурлин, видел, как тяжким огнем горят прекрасные очи княгини, она не отводит от него своего взгляда.

— Ты умеешь произвести впечатление, Алексей, — прошептала княгиня.

— Всегда к твоим услугам, — юноша принял эту игру.

Женщина кивнула, в последней фигуре танца. Юнкер, неторопливо, чуть придерживая Елизавету за кончики пальцев, подвёл её к мужу. Быстро кивнул, и честно, очень честно проговорил:

— Благодарю вас, князь.

— Вы превосходно танцуете, Бурлин. Рад нашему знакомству, — благосклонно ответил Фёдор Иванович Глинский.

Юнкер, в приподнятом настроении, подошёл к столику, за которым стояли другие юнкера. Альбрехт, был рядом, с пустым бокалом в руке, и глядел, чуть в сторону. Алексей увидел, на кого так смотрит его товарищ. Это была та итальянка, Изабелла Ланчини, находящаяся в обществе двух юнкеров, в мундирах лейб-гусарского полка.

— Бурлин, да вы времени не теряете? — заметил Тимрот.

— Вы просто гений в ландлере! Уж верно, партнерша, была без ума! -добавил и Зимин, — да я вас вогнал в краску, Бурлин! Прошу извинить...

И, юнкер со смехом, чуть поклонился. Тут даже злится не имело особого смысла. Тем более, это были юнкера своего

полка. Ну а тут, были ведь юнкера из лейб-гусарского? И Бурлин усмехнулся, задумав некую каверзу.

— Альбрехт, пойдёмте? — тихо сказал Алексей, — там же госпожа Ланчини.

— Отчего же и нет? — с готовностью юнкер дал ответ.

Два кавалергарда приблизились, Альбрехт церемонно кивнул даме, и громко проговорил:

— Прошу вас на катильон, добрейшая госпожа.

— Это было бы мило, — дала ответ черноокая красавица.

— Но, сеньорита Ланчини, вы же хотели танцевать со мной? — вмешался гусар.

Но, Альбрехт поспешно увлёк даму на паркет. Зазвучала музыка, раздалась звонкая мелодия задорного котильона. Пары закружились в танце.

— Видимо, вы не смогли убедить даму, — напомнил о себе Алексей, — Юнкер Бурлин, к вашим услугам, господа...

— А вы не желаете ли, ближе к к рассвету, прогуляться к пруду? Там преотличное место. Юнкер Шемницкий, к вашим услугам. Полагаю, ваш товарищ составил бы нам компанию? А это, и мой друг, юнкер Ридер.

— Не против. Сейчас отличный вечер, да и компания притная. Я, так понимаю, будут пистолеты, господа?

Бурлин, как он считал сам сейчас, говорил кратко и жёстко. Не хватало ещё уронить честь перед лейб-гусарами! Об остальном он сейчас и не думал. Если честно, его злил сам облик этого гусарского юнкера.

— Да, и я бы не хотел тратить зря трать время на шпаги,

— добавил Алексей.

— Превосходная мысль. Ридер, пойдёмте, там прекрасное рейнское! — вспомнил о важном Шемницкий, — и вы, Бурлин. Должны же мы как следует познакомиться? А то ведь совершенно неприлично стреляться с незнакомым человеком!

У столика же, всё горело гусарскими малиновыми ментиками. Здесь, собрались только однополчане новых знакомых Алексея.

— А, рыцарь, и весь в белом! — громко проговорил и засмеялся офицер, — Ротмистр Цыганов! — назвался радушный хояин стола, — Вот, и ваш бокал вина! Шемницкий, я смотрю, вы находите себе новых друзей?

— Не без того, — чуть уклончиво заметил молодой человек.

Ну а Бурлин, без тени сомнений, осушил бокал вина. Впрочем, тут же наполненный снова. Пока опьянение его не брало. Скорее, ему становилось немного жарко.

Однако, тут, как некий незванный ангел, показалась и другая знакомая, княжна Наталья Друбецкая. Она чуть нахмурила брови, наблюдая за столь забавным сборищем. Обмахивалась веером, недовольно вздохнула, разом сложила это украшение, коснувшись своей левой руки. Сделала один, маленький шажок навстречу кавалергарду в белом колете. Медлить было бы просто оскорблением, и юнкер не мог так поступить. Бурлин, поспешно тут избавился от бокала, и по-

дошёл к княжне, и вежливо, со значением, поклонился.

— Алексей, я помню, обещала вам котильон, — властно проговорила она, — пойдёмте, тут нам неинтересно.

— Конечно, Наталья Петровна!

Юнкер повёл даму к танцующим, и они тоже вступили в это весёлое войско. Это был первый котильон на балу, но, как видно, не последний.

— Будьте осторожны, Алексей. Тот гусар, Шемницкий, изрядный забияка. Уж дрался на дуэлях с десятков раз. Если бы не его матушка, так давно бы его услали из Лейб-гвардейского в Сумской полк, а может быть, и на Оренбургскую линию.

— Мы просто поговорили. Свели знакомство. Вполне, приятный собеседник.

— И господин Альбрехт танцует с этой итальянкой? Этим он разозлит баронессу Вольф. Это так неосторожно.

— Отчего же? — не понял Бурлин.

Друбецкая чуть изменилась в лице, загадочно улыбнувшись. Да, это так красило её, делая почти красавицей. Тёмные глаза её остановились на лице юнкера, и она поспешно их опустила и медленно проговорила:

— У баронессы три дочери на выданье... Ваш друг, это совершенно важная партия для семьи Вольф. Вдове приходится брать на себя дела семьи. Но, об это не говорите Альбрехту, надеюсь на вашу деликатность, рыцарь...

— Просто непроходимые дебри для меня... Выше всякого

раумения.

— Ничего такого уж сложного. Вот, карьера вашего эскадронного начальника решена благодаря влиянию его супруги, — снисходительно отметила княжна.

— Я заметил, как Варвара Алексеевна очень привязана к мужу. Не очень это напоминает брак по — расчету, вы уж извините.

— Конечно... Но, она же из Разумовских... Влиятельнейшая, богатейшая семья при дворе государя.

И, Наталья Петровна, премило улыбнувшись, прервала беседу. Она сделала тут изящный поворот, держась лишь кончиками пальцев за его ладонь. Эта девушка была мила и привлекательна, да и очень умна, судя по словам. Бурлин, правда, решил, что уж Анна Григорьевна куда красивее, чем княжна Друбецкая. Скажем, как роза, пышущая красотой, и милый, приятный подснежник. А кто же была Глинская? С каким цветком можно было сравнить её, подобрать нужные слова? Такой вопрос просто вертелся в его голове, лишая покоя. Ну, скорее, орхидея, страстная и опасная своей тяжёлой красотой.

Тут, правда, ему так обаятельно и мило улыбнулась княжна Друбецкая. Её полные губы чуть изогнулись, сделавшись столь влекущими, неповторимыми.

— Вы о чём-то опять задумались? — спросила Друбецкая, опять вырывая Алексея из грёз, — разве можно скучать на балу?

— Нет... Скорее, была мысль о моём Угольке, мой конь, знаете ли...

Ответ был дан с расчётом, что бы вызвать гнев девицы... Но, та лишь хитро улыбнулась.

— На балу, вы грезите о жеребце... Однако, Алексей, так вы всех превзойдёте остроумием.

Но тут, на помощь юнкеру пришёл оркестр, остановившись, дабы немного отдохнуть. Кавалеры отводили дам, где чуть уставшим прелестницам можно было бы немного посидеть на диванах, и отведать прохладного крушона. Бурлин тоже поклонился Друбецкой, благодаря девушку за танец, и также усадил княжну рядом с фрейлинами. Те, бросали на него оценивающие взгляды, и, юнкер, слегка нахально щелкнув каблуками, тут поспешно ретировался, оставив Наталью одну.

Друбецкая повернулась к графине Орловой, спокойно проговорила:

— Рада, что вы здесь... Согласитесь, граф Румянцев устроил отличный бал. Такой чудесный вечер.

— Да, прекрасно. А главное, Натали, что вы не теряете зря времени, — согласилась графиня, — проводите время в столь превосходном обществе.

— Да, в конце концов, Кавалергарды не только охраняют покой Государя, — многозначительно отметила Татищева, сидевшая рядом с Орловой, — но и не ают скучать дамам из общества. Подалуй, им это удастся лучше всего. А ваш

кавалер весьма недурен собой. Очень милый мальчик.

Две статс-дамы переглянулись между собой, согласно улыбнувшись. Наталью чуть задели их слова, да чего уж, она знала нравы двора. И не следовало обращать внимание на каждую колкость.

Тут Друбецкая оглянулась, выискивая взглядом Бурлина. Заметила, что тот прошёл с Альбрехтом к дверям вместе с лейб-гусарами. Уже привстала, собираясь уйти, как услышала:

— Наталья Петровна, да вы же обещали рассказать, что случилось с графиней Шереметевой? Неужто всё правда? Как такое возможно?

Говорила сама гофмастерина, и Друбецкая не могла уйти, это было бы просто оскорблением для этой дамы. А, её сердце в ту секунду просто мучительно сжалось, она чувствовала, что бледнеет, и поспешно прикрыла лицо веером. Пыталась вздохнуть поглубже, но корсет так давил на рёбра, было просто невыносимо. Успокоиться не могла. Что же делал с ней этот злой мальчишка! Не желала, чтобы другие увидели её слабость. Оставалось лишь надеяться, что всё обойдётся. Она сидела, старайсь сдерживаться, слушала неумные речи Татищевой, и читала про себя молитву.

Дуэль

— Здесь неплохое место, Альбрехт, согласитесь, — спо-

койно приговаривал Шемницкий, — Луна светит получше любого фонаря. Не надо будет огонь зажигать.

Гусар расхаживал по утоптанной траве, словно часто посещал это местечко. Не было заметно, что он хоть немного опасался нежелательного исхода поединка, словно считал себя заговорённым.

— Да, поляна, вполне славная. Нам подходит, — нарочито спокойно ответил кавалергард, осмотревшись вокруг, — мы не дадим промаха.

Небо и вправду было совершенно безоблачным, луна, сияя желтоватым диском, высоко висела над ними. А её серебрянный свет отлично освещал всё вокруг, правда, породил и длинные, глубокие чёрные тени, тянувшиеся, словно жадные руки, от деревьев, стоявших рядом. Заросли орешника же, выглядели просто угольными, а их листья сверкали серебром. Вид получался более таинственный, чем пугающий.

— Ещё двое станут секундантами. Они и зарядят две пары пистолетов. Вы не против? — спросил Шемницкий.

— Нас вполне устроят и эти правила, — согласился Альбрехт.

Гусар кивнул. Дуэлянты стояли у деревьев, ну а секунданты разместились на пеньке, быстро заряжая две пары отличных пистолетов.

— Не беспокойтесь, господа. Эти пистолеты литтихские, прекрасной работы, осечек не дают, — заверил Ридер.

— Приятно слышать, — отметил Алексей.

Видел, как спокоен Альбрехт, и юнкер старался брать пример с товарища. Не желал в эти минуты показывать слабость перед лейб-гусарами, а особенно, перед самим собой. Правда, Бурлин услышал поспешный шёпот другого гусара:

— Это против правил, господа... Парная дуэль? Не слышивал о подобном!

— Ничего, обойдётся... Кобрин, отмерьте шагами...

И гусар, кивнув, принялся вышагивать. Через десять шагов воткнул саблю в землю, а еще через пятнадцать-вторую. Такое незатейливое действие не отняло много времени. Тут подошли секунданты, с открытыми коробками, давая выбрать пистолеты.

— Этот, пожалуй, подойдёт! — заметил Альбрехт.

— Ну, а это, мне... — добавил Бурлин.

Оба встали с одной стороны поля, держа пистолеты в правых руках, так что вороненые дула глядели вверх. Напротив встали Ридер и Шемницкий. Их малиновые мундиры казались чёрными в лунном свете.

Вперёд вышел один из секундантов, взявший на себя обязанности распорядителя, и громко заговорил:

— Господа, по моей команде сможете сходитесь. Стрелять можете по желанию. Остановиться обязаны о пятнадцати шагах, где воткнуты сабли. Не желаете ли примириться?

Собственно эти слова были пустой формальностью. Никто даже не соизволил ответить.

— Ладно... — громко продолжил Кобрин, — Сходитесь, господа!

Бурлин шёл спокойно, правда, побаивался споткнуться, и показаться смешным. Надеялся, что и ноги его не дрожат, или, это не заметно другим. Впрочем, он был взволнован, и сердце билось просто бешенно.

Напротив него шёл противник, Ридер, всё так же держал пистолет стволом вверх. Сейчас Алексей припоминал все уроки гувернёра Вердые, и с немалой благодарностью. Тот, утверждал, что всегда следует стрелять первым:

«Алексис, пойми... Человек всегда боится... Этим ты сразу лишишь противника покоя. Промажешь-хорошо, но и тот будет взволнован, и почти наверняка не попадёт. Руки будут трястись... Это тоже шахматы, как и любая схватка. И, надо думать, что делаешь..»

Тут Бурлин остановился, встал в стойку, боком, выставив правую ногу вперёд, для остойчивости, и, стал прицеливаться. Ридер не останавливался. Его ментик, малинового цвета, казался чёрным, словно вороново крыло, и блестящим в лунном свете. Чуть развевался на ветру. Но, раздумывать времени не было, как и предаваться сомнениям, и, разом взведя курок, Бурлин выстрелил. Громыкнуло, белый дым поднялся, блестел, словно сотканный из фольги. Юнкер, глянул на противника, тот ощупывал рукав ментика. Алексей встал боком у сабли, прикрыв грудь пистолетом. А Ридер, и верно, замешкался. Чуть не уронил пистолет, но затем прицелился

и сделал выстрел. Пуля просвистела где-то рядом, Бурлин, не обратил на это особого внимания.

Ну, их товарищи сошлись к самому барьеру. Первым выстрелил Шемницкий, сбив шляпу с Альбрехта. Тот же, немного подумав, разрядил свой пистолет, пальнув в воздух.

— Не иначе, Альбрехт, вы хотели попасть в Луну? — пошутил гусар.

— Отчего же? Я стрелял в вас, Шемницкий. Мне вдруг показалось, что вы просто парите в облаках...

— Как поэтично, — усмехнулся лейб-гусар.

— Господа! Вы считаете, что дуэль окончена? — вмешался распорядитель.

— Если, господа Шемницкий и Ридер не против? — ответил Бурлин, — как будет угодно господам гусарам.

— Нет, нам вполне достаточно. Я, лично, очень рад знакомству с кавалергардами!

Шемницкий подошёл ближе, и, сняв перчатку правой руки, протянул руку Альбрехту. Тот, не медля, пожал руку новому товарищу.

— Бурлин отлично бьет с двадцати шагов. Запомни, Евгений, — проговорил Ридер, со смехом показывая товарищу дыру от пули в рукаве ментика.

Алексей был немного смущен происшедшим. Ну так, самую малость. Вот, случайно испортил новый праздничный мундир нового товарища. Правда, этот человек убил бы его без сомнений и переживаний, но, ментик и вправду был кра-

сивым, отлично пошитым, английского сукна.

— Тем более, господа... Отличный повод выпить. Кстати, предлагаю отметить наше знакомство! — предложил Шемницкий.

— До «Красного кабачка» далековато будет, Шемницкий, — заметил Альбрехт, — не успеем обернуться.

— Есть трактир и поближе. С неплохим вином, — ответил гусар, убирая пистолеты.

Главный зачинщик в задумчивости поглядел на коробки с разряженным, ещё остро пахнущим горелым порохом оружием, и громко произнёс:

— Кобрин, сделайте милость, будьте любезны, крикните моего денщика, пусть заберёт пистолеты.

— Сейчас.

Как заметил Бурлин, среди лейб-гусар своего звания, Шемницкий обладал немалым авторитетом, и без стеснения этим пользовался. Скромность и стеснительность, понятно, сильно обошли его стороной.

— Ну что, господа? Продолжим вечер? — спросил с улыбкой Шемницкий.

— Отчего же и нет? — спокойно ответил Альбрехт.

Сказать честно, Бурлину не больно нравилось всё это, да не годилось отступать перед гусарами. Тем более, уже чувствовал, что ничем хорошим этот вечер не закончится.

Новый день

Кто утверждал, что утро может быть добрым? Это совершенно неумная мысль переучившегося философа. На самом деле, пробуждение от мира снов всегда жестоко. На место сладких грёз вступает жестокая реальность. Звук сигнального рожка просто отчаянно резал уши, и, несчастный Бурлин сел на край постели и в полном изнеможении и схватился за голову. Надо было вставать, а перед глазами были такие волшебные сны...

— Вот, барин, рассолу испейте. Очень, знаете ли, помогает. От лучших огурчиков, только новый бочонок открыли...

— Спасибо, Фёдор.. И, умываться. Мундир готовь! Сужба, братец...

Большая глиняная кружка оказалась в руке уставшего после вчерашнего вечера юнкера. Он осторожно сделал один глоток, затем ещё, и выпил всё до дна. Отличный рассол, с смородиновым листом, с хреном, вкус показался просто необыкновенным. Даже закрыл глаза от наслаждения. Да только не было времени нежиться, и Алексей мигом содрал с себя несвежую рубашку, прилипавшую к телу. А тут, денщик принес таз и кувшин с водой, юноша принялся за мытьё. Поплескался малость, сразу усталость как рукой сняло. А тут и заботливый Фёдор полотенцем спину растёр, так всё и прошло.

— Кофе, барин? — спросил о важном денщик.

— Да, давай сразу пару чашек. И, я на службу

— Поели бы... А то целый день на плацу, да на Манеж потом, я от вахмистра Матюшина слышал...

— Ладно, неси... — проявил милость Бурлин.

Нет, есть теперь захотелось страшно. Да признаться, что Фёдор опять прав оказался, воздержание было свыше сил юноши. Просто, он промолчал, да взялся за серебряную вилку и нож.

Еда была немудрящая, но сытная. Вареная говядина с хлебом, и чуточку горчицы, для пробуждения аппетита. Съел юноша всё, оставив тарелку чистой. И вправду, полегчало, и сил прибавилось. Юнкер помыл руки, и взялся снаряжаться. Теперь опять, колет, да рейтузы на пуговках, с короткими сапогами. Не на бал, на службу ведь собирался. А Фёдор расчесал, да припудрил ему голову. Не нравилось ему это, но приходилось терпеть.

— Шпагу неси, — напомнил Бурлин, — чего замер?

— Сейчас, барин... Да вот ещё... Когда вы из залы ушли, с гусарами, важные барыни вас искали. Не самолично, а слуги их. Вот, Прохор передал от княгини Глинской, и Иван, от княжны Друбецкой письма. Очень вежливые люди, точно...

— Чего молчал? — и Бурлин строго посмотрел на денщика, — я же тебе всегда говорил, что бы, ты с главного начал, Фёдор.

— Да княжна Друбецкая сильно волновалась. Самолично

приходила к вашему экипажу, грозилась... В общем... Запаятовал я, переволновался.

Денщик сложил руки перед собой, что делал всегда, как волновался. И не хотел расстроить барина.

— Ты, Федька, как лицо подлого сословия, волноваться не должен. Просто испугался, значит, так и скажи, — жестко проговорил Бурлин.

— А то... Барыня, она строгая такая... Ну та, что помоложе. Я и помалкивал. Ну, слушал, значит... Соглашался, не возражал.

— Молодец, Фёдор. Сегодня отпишу письмо, отвезёшь княжне Друбецкой.

— А Прохор потом говорил, на словах, что в воскресенье, княгиня Глинская ожидает вас в своём салоне.

Тут Бурлин, сдвинул брови, вроде как осердясь. Ну, у папеньки в имении посмотрелся, как строгость на себя наводить.. Хотя, конечно, приятно, когда тее внимание дамы оказывают. Сделав паузу, уже спокойно проговорил:

— И ей напишу, не сомневайся.

Бурлин ещё раз поглядел на письма, в почти одинаковых коричневых конвертах, запечатанные сургучными печатями. Всё было в целости и сохранности, и не придерёшься. Всё одно, строго поглядел на денщика, дабы не возомнил о себе лишнего.

Сел за стол, и сочинил два послания. Одно для Глинской, другое- для Друбецкой. Даже стал доволен своими трудами,

— Ну чего, Фёдор! Я на службу, а ты, отбываешь по почтовой надобности. Не потеряй письма только.

— Понял, барин. А кому какое?

— Это, для княжны Друбецкой, а это- для княгини Глинской. Смотри, не перепутай!

Сказал это Бурлин, и строго помахал пальцем перед носом денщика. Сделал всё, как Бурлин-старший, и, успокоенный, вышел из квартиры. Его ожидал верный и послушный, уже оседланный, Уголёк, и царская служба.

Почтальон судьбы

А денщик Фёдор в задумчивости потёр свой подбородок, тяжело вздохнул, и сам принялся за бритьё. Воспользовался, без всякого спроса, фарфоровым тазиком и господской бритвой. Ведь, барин посылал в богатые дома, а не сам он вызвался на такую службу. Должен е был соответствовать, и потому запросто избавился от ненужных сомнений. Спокойно намылил себе щёки и подбородок, и уселся перед зеркалом, что бы насладиться процедурой. Лезвие скользило по его коже, словно коньки зимой по ледяной глади. И, после некоторых трудов, стал выглядеть, вполне себе авантажно, как любил говорить его новый приятель Сидор, денщик юнкера Альбрехта.

Надел мундир, пусть и не белый, а серый, положенный нестроевому кавалергардского полка. Приготовил бричку,

да неспешно покатыл себе по дороге. Народ ничего, не удивлялся, не обращал на него особого внимания. Дескать едет себе денщик, значит, так ему и надобно. Немало тут по делам слуг по дорогам ходило, кто по делу, а кто и так, с пустыми руками шлёндрал. У одного такого Фёдор и спросил:

— Слышь, добрый человек, ты, вот, не знаешь, где дом князей Друбецких?

— Так в Санкт-Петербурге, служивый. А здесь, обитает только княжна Наталья Петровна Друбецкая, поскольку служит самой императрице Елизавете Алексеевне.

— Спасибо.

Хлопнул вожжами денщик, послал вперёд своего каурого. Конек упрямо тряхнул хвостом, словно Сивка -Бурка из сказки, и, сделал милость, довез до забора. Ну как забор-цельный крашеный резной палисад. Фёдор слез с повозки, постучал в калитку. Быстро подошёл дворник, трезвый, да представительный детина, при синем кафтане, черных шароварах, в переднике да в картузе с козырьком.

— Письмо барыне Друбецкой, от Алексея Михайловича Бурлина, моего барина.

— Сейчас, — пробурчал, словно мишка на цепи дворник, — дворецкого позову. Доложить надобно, Барыня строгая, приказывала, писем всяких от господ офицеров не принимать.

— Так уж приехал я? Домой, что ли, отправляться?

— Пойду, спрошу. А то, вдруг осерчает Наталья Петров-

на. Мне, вот, винной порции из-за тебя лишаться, совсем не резон.

— Жду...

Фёдор, от скуки да для пущей солидности достал свою трубочку, сноровисто набил махоркой, да закурил. И время быстрее пошло. Но тут дверь в доме шумно растворилась, и с лестницы сбежала сама барыня, а за ней поспешал дворецкий, судя по яркой ливрее.

— Да куда вы сама барышня, я и сам бы... — бубнил дворецкий, — не дело... А то батюшка ваш осерчает...

— Молчи Степан, а тот ведь я осерчаю... — был дан резкий ответ.

Фёдор-то от греха, трубку убрал сразу, На калитку положил. Не испугался, понятно, а так, на всякий случай. Решил что лучше...

— А, ты, Фёдор, — проговорила барышня.

Узнала она его сразу. Видно было, девица прямо, что сама не своя. Бледная, да чернющие тени под глазами. Выглядела так, что право слово, краше в гроб кладут. Руки тряслись у сердешной, да она, чтобы посланец не увидел, за спину быстренько их так убрала.

— Чего там? — строго сказала, почти закричала, — убит? ... Отвечай!

Говорила она и хотя очень резко, но, с трудом сдерживалась, а губки алые, нежные, аж прикусила, ожидая ответа денщика. Глаза, карие, широко открылись...

— Нет, барышня, Христос, как видно, барина моего сохранил. Всё хорошо, обошлось. А он, письмо мне поручил вам передать. Вы, вот, не гневитесь только...

И, Фёдор с поклоном (небось спина не переломится), протянул коричневый конверт. Собственно, в сумке два было, что барин сегодня отдал ему. А вот адресат, подписан не был. Но, денщик был в себе уверен, и знал, что не мог ошибиться.

— Давай сюда, — быстро скаала барышня и протянула руку.

И княжна нетерпеливо сломала печать, развернула послание, и стала читать. И не поверил бы Фёдор, если бы не видел сам, как сразу изменилось лицо барышни. Её лицо порозовело, тени под глаами пропали, словно их салфеткой стёрли. Друбецкая повернулась к дворецкому, тот мигом подбежал, подобострастно поклонился, ожидая слов хозяйки.

— Степан, дай денщику рубль, и покорми в людской. Повозку во двор загоните.

— Сейчас, барыня, — проговорил дворецкий.

Извлёк он из своего кармана потёртую серебряную монету, и вложил в руку Фёдора. Деньги были, для него, куда как немалые. Денщик упрятал подарок в свою кожаную сумку. Княжна, держа письмо в руке, мигом поднялась по лестнице и исчезла в доме. А дворецкий молчаливо ожидал, пока Фёдор пойдёт за ним. Нетерпеливо только спросил, потом:

— Ну что? Так и будешь стоять?

Фёдор оглянулся, опять поглядел на ладный домик княжны. Ощупал конверт с посланием для Глинской, в кожаной сумке. Потрогал с сомнением, ощутил крепкими пальцами жесткую да шершавую плотную бумагу, печать барина. Подумал всё же, чего вот Алексей Михайлович не подписал послания? Прямо в волнение его ввёл, в сомнения. А он чего? Как скажут, так ведь и делает, со всем возможным прилежанием. Правду сказать, хорошо, что покормили его здесь, честь по чести. Щи знатные, с говядиной, да каша пшённая, хорошая и кисель ягодный. Теперь, аж на целый день сил набрался, и сидел в повозке он уверенно.

А его лошадь кауря ехала спокойно, помахивала себе хвостиком, а Фёдор, и не подгонял особенно, жалел скотинку. А та, чувствовала отношение, не озоровала. Так и доказали до дома княгини Глинской.

Ничего особенного, скажем так, Фёдор и не прочувствовал. Усадьба как усадьба, невеликая размером. Всё же, домто был не княжеский, а царев, данный на время. Всем, состоящим при свите императора и императрицы, от Ведомства Дворцовых имуществ, давали такие усадьбы, на время. Набрался ума тут Фёдор, научился разбираться во всех этих тонкостях, посмотрелся уже всякого.

Подкатил к забору, сделал важное лицо, что бы прислугу взбодрить, да постучался кнутовищем в калитку.

— Чего тебе? — спросил привратник.

— Важное послание от хозяина моего, Бурлина Алексея

Михайловича. Вот, письмо для барыни, самой Елизаветы Ивановны.

— Ну давай, я передам.

Мужик что сказать, был видный, да основательный. Довере, внушал, слов нет. Спорить с ним не хотелось.

— Барыне не доложишь? — всё же решился Фёдор.

— Да не бойсь. Как тебя кличут хоть? — отвечал человек барыни.

— Так денщик, Фёдор Иванович Алексеев.

— Всё, я и передам. Привратник я, Евграф Кузьмич. Ладно, пора мне, тороплюсь.

Фёдор поправил свою фуражирку, и, подумав, сел в хозяйскую повозку, устроился там поудобнее.

— Но, поехали! — взбодрил нестройной свою ладную лошадку.

Та, враз, резко потянула, скорее рванула с места, едва не сбросив чуть ошалевшего седока. Фёдор уж собрался вытянуть каурюю плетью по хребтине, да раздумал. И то, животное ведь, жалко... И лошадёнке тоже это место не понравилось, да и ему, если по-честному, то тоже. Неуютненько было здесь, тревожно.

Вздыхнул, как -то не понял он этих барынь. Вот, одна прямо убивалась, а другой так, словно всё равно ей было, и выйти не соизволила.

Ну, а Фёдор, ведь сделал, всё, как приказал барин. Это он помнил чётко. Значит, так сама княгиня Глинская решила,

и не его, денщицкое дело, обсуждать решение благородной особы. Убедил себя Фёдор в таких своих мыслях, на том и успокоился. И ехал уже спокойно, правда, сожалея, что здесь его не покормили.

Обед у Куролесовых. Полковник Костецкий

— Пожалуйте к столу, Михаил Аркадьевич! Всё уже и готово! — умильным, просто сахарным тоном произнесла Зоя Павловна.

— Очень рад. Весьма мило в вашей квартире, добрейший Григорий Ильич, — ответил офицер.

— Да, знаете ли, служба, по части Горного ведомства. А так бы и в нашей деревеньке проживали, в Тверской губернии. Красиво очень, лес, и пруд имеется.

— И у меня, в Псковской губернии, под Гдовым две деревни. Да часто бывать не могу, служба. А теперь, в такие времена, боюсь и отпуска не добыю, если только будущим летом.

— Отчего так, Михаил Аркадьевич? — снова спросила Зоя Павловна.

— Не доводят до нас. А обязанности шефа полка, накладывают на меня немалые обязанности, — отметил Костецкий, часто поглядывая на молчащую Анну, — знаете, большие сложности с доставкой продовольствия. Всё время приходится напоминать местным помещикам о их обязанностях,

по раскладке. Норовят зерно до зимы придерживать. когда цена выше. Бывает, что и самому князю Багратиону вмешаться приходится, стыдить землевладельцев.

— Ну, пойдёмте в столовую, там всё готово! — тоном радужного хозяина напомнил господин Куролесов.

— Конечно!

И полковник встал сам, протянул руку, помогая подняться Анне Григорьевне. Почувствовал, что пальцы её холоднее льда, и глаз на него так и не поднимает. Впрочем, Костецкий был рад такому повороту событий. Невеста, была, на диво хороша собой. И, пусть приданого за ней много не давали, а всё одно, была бы она единственной наследницей имения. Да и Григорий Ильич Куролесов, как знал Костецкий, был на виду у самого графа Румянцева, начальника Горного Ведомства, и, в чине статского советника, а там, и до чина действительного тайного советника было совсем немного.

— Пойдёмте, Анна Григорьевна. Проводите меня, — добавил полковник.

— Да, конечно, — еле разомкнула уста девушка, с трудом ответила видному кавалеру.

А выглядел полковник весьма импозантно, как всё же подметила Анна Григорьевна. Орден белел в его петлице, оттеняя красный ворот военного сюртука. Живописная седина белела на висках, густые волосы спадали на самые брови Михаила Аркадьевича, добавляя образу нечто львиное, так и дышащее отвагой.

Но вот, семья Куролесовых и их гость расселись за обеденным столом. Прислуживал престарелый уже Ефим Ильич, доливая вино в опустевшие бокалы, и разносил закуски, идеально разложенные на фарфоровых блюдах.

После подали превосходный кофе, отлично сваренный Ефимом. Слуга наострился в этом деле, сопровождая Григория Ильича в дальних разъездах.

— Просто превосходно, — похвалил Михаил Аркадьевич, — пожалуй, получше, чем я в Милане пробовал.

— А вы и в Италии бывали? — не удералась и спросила Анна.

— Конечно, в походе самого генералиссимуса Суворова. Был я тогда в чине поручика, и участвовал в Итальянской компании, под командованием генерала Багратиона. Места там и вправду, красивейшие, да времени любоваться не имелось. Марши были тяжёлые, но, смогли удивить француза... И, побили генерала Моро на реке Адде. Местность непростая, гористая, но ничего, управились. Взяли в плен войска генерала Серюрье. А там, нам открыл ворота город Милан... Итальянцы встречали нас просто восторженно...

Анна слушала это, и силилась представить столь далёкие места, про которые только читала. Знала точно, что это бывалый воин, тстинный герой, не раз смотревший смерти в глаза. Стоявший при том бесстрепетно под вражыми пулями и ядрами. Не какой-нибудь фигляр с Невского, фланирующий по Дворцовой Набережной в поисках придуманных

прикчлений. И, теперь смотрела на Костецкого, совсем иными глазами. Этот стройный, подтянутый полковник казался ей уже значительным, интересным, внушающим доверие.

— А дальше, сражение при Требии, преследование Макдональда. Жара, уже страшная стояла, совсем тяжело нам приходилось. А у Нови четвертого августа случилось сражение, мы разгромили французов, сам генерал Жубер был убит. Ну, а я, ранен был в руку, и выбыл из армии. И, в Швейцарском походе не участвовал, может быть, Бог меня отвёл, сохранил...

Вскоре полковник Костецкй откланялся, и покинул квартиру Куролесовых. Григорий Ильич расположился в кресле, вальяжно уложив ноги на скамеечку. Набил трубочку и с удовольствием закурил. Зоя Павловна покровительственно улыбнулась, но, закашлялась, и помаала ладонью перед собой, разгоняя табачный дым.

— Что же ты, Григорий Ильич, — с укоризной проговорила женщина.

— День прошёл преотлична, Зоя Павловна, — отметил Куролесов.

— Ты думаешь?

— Несомненно.

— А что скажет Аннушка? — с улыбкой спросила маменька свою дочь.

— Хороший человек господин Костецкий, — с трудом проговорила барышня, — я не против этого замужества. Раз

вам этого угодно.

— Ах, доченька! — с восторгом ответила Зоя Павловна.

Женщина уже собиралась было в избытках чувств расцеловать дочь, но та поднялась из-за стола, и упрямо добавила:

— Всё одно, я его не люблю! — при том, топнула ногой.

Сказала такое, и поспешно вышла из гостиной, а затем и просто побежала по коридору. Ксения, с подносом в руках, просто прижалась к стене, спасая хозяйский фарфор, а Анна, рванув рукоять двери в свою спальню, бросилась на кровать, прикрыв голову подушкой. Зарыдала, бесконечно жалея себя в эту минуту. Снова вспомнила о Алексее, но тут зажала руками себе глаза, словно могла этим заставить себя забыть, избыть из себя эту невозможную любовь. Лежала так долго. Тут, всё же успокоившись, она смогла уснуть. Только всё чувствовала, как сильно зябнут её ноги.

Эскадрон на учениях

Алексей сидел на Угольке, иногда поправляя стремяна. Вчера, играли с Альбрехтом в мяч, и он чуть потянул ногу. Теперь, это немного ему мешало, нетвердо чувствовал стремяна. А сегодня, он ведь оказался в строю, среди офицеров эскадрона.

Поле было выбрано отличное, без рытвин и перекатов, наилучшее для конных учений. Здесь мог построиться и маневрировать не только эскадрон, а целый полк и даже диви-

зия.

— Распустить фланкеров! — тут громко скомандовал полковник Репнин.

Горнист, в каске с красным гребнем, громко затрубил, давая этим сигнал стрелкам. И, по двенадцать кирасиров, с карабинами, уже скакали рысью на флангах эскадрона.

— Палаша, вон! — последовал следующий приказ.

И, с лязгом, громадные клинки покинули холодные ножны громадных всадников, и уже блестели над строем, словно образуя ещё одну линию. Альбрехт и Бурлин ехали позади офицеров эскадрона, на правом фланге, так же, с палашами над головой. Алексей чувствовал всю тяжесть этого нешуточного оружия, сжимая стальную рукоять ладонью, прикрытую белой кожаной перчаткой. Надо было привыкать, держаться в седле, управлять могучим конём, и быть готовым к схватке холодным оружием.

И, надо сказать, весь этот строй, ста тридцати бойцов на вороных конях, просто потрясал. Над кавалергардами реял эскадронный значок, с иерусалимским белым крестом на красном фоне. А всадники, не просто напоминали, а были истинными рыцарями Ордена, крестоносцами. Три ряда конников. умело маневрировали, подчиняясь умелому командиру, не снижая темпа. При поворотах влево, вправо, строй не нарушался, кавалергарды так и скакали рысью, построенные в три ряда, шеренгой в сорок коней. Они были, воистинеу необоримы...

Тут, Бурлин, заметил небольшую свиту, ехавшую к ним, а князь Репнин поспешно скомандовал:

— Стой!

Четвертый эскадрон остановился. Ротмистры поспешно развернули шеренги, Бурлину тут и стало наконец понятно, зачем. Впереди свиты из двух генералов- Депрерадовича и графа Уварова, на громаном гнедом жеребце ехал сам Великий князь Константин Павлович.

— Ну вот, опять, — с оттенком досады тихо проговорил Альбрехт.

Не было заметно, что рад появлению шефа Александр. Словно предчувствовал неприятность.

— Да что такое? — не понял Алексей.

— Константин Павлович опять в конно-гвардейском мундире... Гляди, снова нам на орехи достанется... Уж что-то, а дурное, найдёт... Или, опять, кто-то из господ офицеров на какой каверзе попался.

Ну, юноша знал, о давнем соперничестве между полками и их шефами. Тем более, что Константин командовал всей императорской гвардией, и, понятно, авторитетом был выше графа Фёдора Петровича Уварова. Правда, сам Александр Павлович более благоволил именно Кавалергардам, что ещё больше уязвляло Конногвардейцев. И, их шефа, Константина Павловича.

— Вверенный мне четвёртый эскадрон на конных учениях! — дал рапорт Николай Григорьевич Репнин, подъезжая

к великому князю.

— Вижу, вижу, — ответил Константин, — в полном порядке твои Кавалергарды, князь. Выправка отменная. Кони, очень хороши. Благодарю тебя!

Но, Великий князь, кажется, был в добром расположении духа, и благосклонно выслушал доклад командира эскадрона, князя Репнина. Депрерадович выехал вперёд, к конному строю, и громко произнёс солдатам:

— Благодарю вас, братцы, за усердие!

— Ура! Ура! Ура! — в ответ согласно отвечали лейб-гвардейцы.

Затем, Депрерадович подъехал и к офицерам, кивнул эскадронным начальникам.

— Отличная выправка, господа. Строй удерживаете в полном порядке. И я доволен вашим усердием, и, великий князь Константин Павлович также. Граф Уваров сегодня же непременно доложит самому государю, о таких успехах.

— Стараемся оправдать милости Государя, — отвечал за всех уже Репнин.

— Всегда был в вас уверен, Николай Григорьевич, — отметил Депрерадович, и вернулся к свите.

Да, командир полка держался молодцом, сидя на своём тысячном жеребце. И конь, точно был под стать своему седоку, тоже был с характером. Красовался, горячился, поднимая свой хвост. Словно понимал и гордился своим местом в строю.

Великий князь с сопровождающими поехал далее, проверять учения кавалерии. А, Репнин, поправив ремень своей каски, поднял руку, давая сигнал горнисту. Эскадрон стал перестраиваться в походный порядок, с значком, в виде Иерусалимского креста, во главе колонны. Тут Алексей представил себя рыцарем, крестоносцем, идущим в походе на Святую землю, под священным знаменем. Пожалел, правда, что не было у него блестящей кирасы на груди, так было бы совсем ладно.

Театр, любовь и шпаги

— Так что, Алексей? И нас, юнкеров, сегодня допускают в театр.

— Может быть, если будет необходимо. Ненадолго приду, — уклончиво отвечал Бурлин.

Правду сказать, он ожидал некоторых вестей, особенно возможных после вчерашней записки, которая с спартанской краткостью гласила: «Жди». И, знакомый с дисциплиной, юнкер, терпеливо ожидал. Тем более, письмо было от самой Елизаветы Ивановны, княгини Глинской, и он мечтательно улыбнулся. Альбрехт сделал удивлённое лицо и привёл ещё один довод:

— Сегодня будет петь сама госпожа Ланчини. Изабелла на редкость красива, не правда ли?

— Без сомнения. Правда, вокруг неё вьётся целый рой ка-

валеров, — чуть осторожно отметил Алексей.

— Это понятно. Красота привлекает к себе.

— Да, вокруг неё ухажеры выются, словно мухи.

— Ты, Алексей, считаешь, что Изабелла, может привлекать только мух? Знаешь, ещё такое слово, и я тебя вызову! — с деланной угрозой в голосе проговорил Александр.

— Не совсем так... Я хотел сравнить её с сладким мёдом. Ну, как «мухи на мёд», знаешь ведь пословицу?

Но, кажется, этих слов Альбрехт и не заметил. Перед небольшим зеркалом тщательно изучал свой мундир. Вроде бы только вот человек предлагал делом заняться, прогуляться, пострелять друг в друга. А тут, словно и забыл обо всём. Тут уж Бурлин только развёл руки в изумлении.

— Сидор, шляпу мою почистил? Сапоги? — строго спросил Александр Иванович, не прекращая проверять пуговишки колета.

— Так всё готово, ваше благородие. В наилучшем виде, можете являться перед барышней. Просто красавец...

— С чего так решил?

— А как по-другому?

— Я ведь в оперу иду.

— Да чего в театре делать, кроме как не на свидание с барышней? — искренне удивился денщик, — вы же больше лошадей любите, ваше благородие!

— Глас народа, глас божий, — нескромно отметил Бурлин.

Юнкер с трудом сдержался, что бы не рассмеяться во весь голос. Особенно, как заметил разом вытянувшееся лицо товарища.

— Ты не слишком разбираешься в искусстве, Бурлин. Здесь понимаешь, нужна некая утончённость, а тебе этого недостаёт. Поэтому и надо сходить в оперу.

— Доводы вполне убедительные.

— И, наши юнкера с полка тоже собрались. А мне, надо совершить некоторый подвиг...

— Неужто ты жаждешь завоевать сердце самой Софьи Владимировны, графини Строгановой?

— Я, конечно, не Геракл и не Тесей, что бы достигнуть ворот Ада ради красавицы. Нужно просто раздобыть букет цветов.

— Тут путь простой, неизвилистый, Альбрехт. Пошлём моего пройдошистого денщика, не отягощенного излишними метаниями совести. И, вот, для тебя, пять рублей. Думаю, вполне хватит, что бы соблазнить служителя оранжереи небольшим подарком.

Бурлин, собственно знал, что Иван Львович, не слишком балует своего сына деньгами.

— Буду обязан, Алексей. Зови своего богатыря, — с готовностью согласился Альбрехт.

— Фёдор, подойди. Небось, всё уже слышал? — громко проговорил Бурлин.

Денщик появился, из загородки, не выпуская из рук гос-

подские сапоги, которые почти любовно начищал чёрной ваксой. Старательно делал вид, пронира, что ужасно сейчас занят. Даже лицо было испачкано.

— Так уж конечно, Алексей Михайлович, — начал он, — Места известные. Там и померанцы произрастают, уже поспели, — выдал целую речь денщик, — но цветы, значит, цветы. Есть там и розовые кусты... А, приятель мой, Прошка, там в садовниках трудится. Продаст цветы, только, понятно, не целую корзину. Ну, с пяток, наверное...

Цветной бумаги, тоже раздобыть не трудно, это в двухгривенный встанет, — он хитро глянул на барина. — а то, какой букет без бумаги?

— Вот тебе и двухгривенный.

— Ну, тогда пойду, раз посылаете. Только, вот, в партикулярное платье переоденусь. Под розги мне не резон ложиться, если попадусь караульным.

— Давай, поторопись, хитрец... — терял терпение Бурлин.

— А Сидор, нам ужин приготовит. Провизия имеется, вот, солонина и картофель, — заметил Альбрехт, — поедим, как раз Фёдор и возвратится.

Юнкер, кажется, успокоился, и присел за столом. Ну, а Сидор принялся суетится у печи, и скоро появился с подносом, с которого ловко выставил готовое угощение. Придраться было не к чему, да и не зачем. Молодые люди быстро поели, денщик только убрал посуду, как в верь громко посту-

чали.

— Сидор, глянь, кто там?

— Сейчас, ваше благородие...

Денщик подошел к двери, быстро впрочем вернулся в жилое. Лицо нго стало, малость озабоченным.

— Так, ваше благородие, юнкера с полка пожаловали...

В комнату с шумом ввалились трое товарищей по службе, Тимрот, Миних и Зимин.

— Да вы что? Ещё здесь? Пора бы уж собираться, — с места в карьер начал Миних, — Мельпомена не пироги, она ждать не станет! Тем более вы, Альбрехт. Мы уж все думали, что вы бродите у чёрного входа этого павильона с самым таинственным видом...

— Да бросьте вы, Миних, право слово, не смешно...

— Неужто и вы влюблены в сеньорину Ланчини?

— Не сеньорину, а сеньориту, Ланчини. Она не замужем, а значит, сеньорита.

— Какая жалость! — засмеялся Миних, — обожаю ухаживать за замужними дамами!

— Миних, а вы разве не влюблены в Изабеллу? — добавил Тимрот.

— Нет, я просто мечтаю о пылкой страсти. Я ухаживаю, я ухлёстываю за этой дамой, а вы, разве нет? Я, припоминаю, как вы послали ей коробку марципанов? Или, я ошибся?

Альбрехт тут покраснел, и вскочил со стула. Подошёл ближе к товарищами с самым решительным видом произнёс:

— Мне не нравится, как вы это говорите, Миних...

Юнкер в ответ чуть наклонил голову, поглядел на собеседника, затем, хлопнул того по плечу, и спокойно ответил:

— Я бы согласился с вами драться на шлегерах, Альбрехт, с тем, что бы Paukanten не сходили с места.

— Готов скрестить с вами клинок, Миних.

— Однако... Нет, я бы не хотел, чтобы ваша избранница любовалась shmiss, шрамами на вашем лице, Альбрехт...

Он замолк на минуту, затем, подумав, протянул руку. Александр с готовностью её пожал.

— Всё вполне, по-рыцарски... Несомненно, я смогу уважить ваши чувства, — спокойно говорил Миних, — но, только как решит сама дама! — закончил он со смехом.

И, трое юнкеров, просто покатываясь со смеха, выкатились из комнаты товарищей. Бурлин, не сильно понимая, пожал печами, и произнёс:

— Что за поединок на шлегерах? Не слышал о таком.

— Бой в доспехах, с открытым лицом, ни сходя с места. Уколы наносятся именно в лицо, — совсем буднично отвечал Альбрехт, — боюсь, начальство будет в ярости, если узнает.

Алексей с трудом представил себе такой бой. Да, схватка потребовала бы полного сосредоточения, ловкости и железной воли. И, стальной клинок перед глазами...

— Пойдём Алексей, уже пора. Да Фёдор запаздывает.

— Там, у театра нас нагонит. Поедем на двуколке, Сидор

отлично правит лошадьми.

Фёдор нарядился в простое платье, сделавшись похожим на мещанина. а кожаный фартук только дополнял его образ. Да и тачка, с тяжелыми колесами, была очень к месту. Пронырливый денщик решил, что это очень подходит к его образу, мастерового, пришедшего по делам. В тачке лежал объемистый мешок, пустая бадья, и кисть. Он так и катил свой инструмент, иногда раскланиваясь с другими работниками, проходившие мимо него. Те, иногда отвечали в ответ, или, попросту проходили. Перед проехавшими или проходившими барамы, Фёдка, не сомневаясь, ломал шапку и низко кланялся. Дело-то, для бывшего крепостного, было весьма привычным. Вот, показался белый палисадник, из ровных досок, покрашенный свежей известью, и рядом, прогуливался и его приятель, Прохор, с садовыми ножницами в руках. Прямо перед каменной оранжереей, с громадными окнами, пропускающими так много света внутрь. Федора просто мучили сомнения, но вот, деньги, данные хозяином, несказанно согревали душу, и сподвигали к подвигам. Денщик вздохнул, кашлянул для солидности.

— А, Фёдор, ты здесь?

— Фёдор Никитич, для тебя. Ну, по делу я пришел, Прощка, не просто так. Вишь ли ты, букет роз желаю прикупить, на три рубля.

— Ишь хитрец... Нету цветов. Всё вот раскупили. Да и из

дворца целую корзину заказали.

— Да ладно, Прохор Фомич, неужто за два рубля не продашь семь цветков? У тебя вон сколько произрастает.

— Вот деревня... Нельзя же, говорю...

— А смотри, что у меня есть...

И Фёдор, неторопливо, медленно, положил большой серебряный кругляш с ликом российского императора. И, как глаза Прошки не отрываются от столь соблазнительной монетки.

— Ещё три такие, Фёдор. И получишь свои цветы.

— Прямо сейчас?

— Само собой. Обожди немного, да я всё вынесу. Дай твою кадку, что бы незаметно было.

Садовник резво схватил ручку, да так, что бортик ударил его по колену. Он так обиженно вскрикнул, но забежал внутрь. А Фёдор с умным видом взялся за метёлку, и принялся прихорашивать садовую дорожку.

— День добрый, Фёдор, у тебя хорошо получается. Что здесь забыл? Или, желаешь розог отведать?

Голос показался смутно знакомым, да настолько, что денщик чуть было метлу и не уронил. Ажно вспотел весь...

— Так по делу, Наталья Петровна... — тихо проговорил он.

Собственно, перед ним стояла княжна Друбецкая, в тёмном бархатном платье. Оно шло ей необыкновенно, да побоялся Фёдка комплименты расточать, не тот был случай. Да

и не время, и не место, а и кто он был такой?

А лицо княжны вытянулось, губы были поджаты, а глаза, словно угольки из печи горели. Держала в руке веер так, словно это был нож острый, и этим клинком будто хотела воткнуть ему в сердце.

— Ты, милоч, сюда не иначе, за цветочками, для итальянки этой пришёл? — очень негромко сказала она.

Фёдор заметил, как злится барышня. На него, что ей зло держать, значит, дело его в барине. Хорошо, что дама благородного звания, есть надежда, что с ножом или топором не кинется, а то вот, как глазами сверкает, с опаской думал он.

— Врать не буду, барышня... За цветами... — осторожно так отвечал денщик.

Друбецкая зло топнула ногой, отвернулась, и денщику показалось, именно показалось, что она плачет. Только прошептала:

— Прикажу засечь...

Фёдор сказать честно, обмлел. Да заметил, что не шутит девица, и принялся объясняться:

— Так и это можно, барышня... Только за цветами меня господин Альбрехт послал, а не Алексей Михайлович... Такое вот дело, вы уж не сердитесь.

Княжна, совсем по-простому, тихо шмыгнула носом. Она так и стояла к нему спиной. Платком отерла лицо, развернула веер, прикрывшись им, и только тогда оборотилась к нему.

— Не врѣшь? — тихо проговорила она.

Сказала, таким тоном, словно разом угрожала и тут же надеялась, что не обманет её денщик, не станет вертеть и играть словами.

— Ну, как можно, барышня... — спокойно отвечал Фёдор, — истинная правда, вот вам святой крест! — и осенил себя.

— Ладно... Вот, только молчи обо всём. Что меня встретил, и об разговоре этом тоже молчи. А то тебе не сдобровать, не сомневайся, — и сунула ему в руку тяжелую монету.

Фёдор, по простоте душевной, грустно подумал, что вот, такую маленькую монетку в руку суют. Даже вот, обидно стало, выслушал, кивал, со всем соглашался, а дали- только двугривенный. Но, быстро глянул, на тускло блеснувший желтенький кругляшок-и все обиды его будто растаяли. Ещё бы-настоящий «лобанчик», червонец, такой ладный да красивый.

Тут уж денщик с большой охотой низенько поклонился. Шаркнул бы и ножкой, да не умел делать это складно, не хотел испортить впечатление.

— А цветы? — вспомнил он с трудом о поручении барина, — очень ведь надо... Для господина Альбрехта.

— Ладно, отойду, да ты быстро уходи, как садовник цветы вынесет. И вот что, передай Алексею... — начала она, но тут же поспешно помахала рукой, и быстро ушла.

Фёдор тут облеченно вздохнул. Правда, с жутким скрипом

открылась дверь оранжереи, и наружу высунулся нос Прошки, а затем, и испуганное донельзя лицо.

— Ушла фрейлина? — спросил он, с явным сомнением и надеждой в голосе.

— Видишь, нету. Цветы давай!

— Ещё два рубля.

— Вот, рубль, как обещал. Не дури, цветы ты срезал, обратно, не приставишь теперь!

— Ишь ты, умник какой! Ладно, бери. Помни мою доброту!

Фёдор расстался с деньгами, и быстренько спрятал цветы в кадке, укрыв цветной бумагой. Собственно, и покупать её не пришлось, двухгривенный денщик считал честно заработанным. Как и два рубля, что получил от барина. Справедливая цена за труды и страхи такие.

Подхватил свою тачку и покатил её прочь отсюда. Еле-еле удержался, что бы не побежать отсюда прочь. А то вот, пока тут делами занимался, две кареты подъехали, с гербами. А дюжие гайдуки, стоявшие на подножках, пялились на него с явным подозрением. А тут, дверка экипажа отворилась, и, несчастный Фёдор увиел улыбающееся лицо княгини Глинской, самой Елизаветы Ивановны.

Несчастный денщик чуть не плюнул от от досады, да вовремя опомнился, поклонился так низенько. А Глинская так поманила его, пальчиком. Фёдор, с тачкой, приблизился поближе.

— Что там, хозяин твой ко мне в гости не приезжает? Я, так слышала, сегодня на концерте будет присутствовать Алексей? Барин твой?

— Точно так... — неуверенно ответил Фёдор.

— Ты вот, любезный, передашь ему такую записочку. А на словах, пусть в фойе задержится, меня подождёт. Поняли хорошо?

— Как изволите, ваше сиятельство...

— Вот, тебе за труды.

— Так конечно, — бодро ответил денщик, получив ещё монетку, — всё исполню, в наилучшем виде.

— Ладно, иди.

Фёдор отер рукавом пот с носа, да пошёл быстренько обратно, к себе домой. Думал, а то вот, ещё кого встретит, так уж точно, до конца дня дожить ему не придётся. Тачка малость подскакивала на кочках, но денщик не обращал внимания на столь малые препятствия. Шёл, да оглядывался, всё ожидая, что ещё с ним может здесь приключится. Однако, Бог миловал, и денщик благополучно докатил свой груз до ограды театра. И, тут услышал, долгожданные слова барина:

— А, Фёдор, вид мастерового тебе к лицу.

Денщик повернулся, привычно снял картуз с головы и поклонился. Чуть замявшись, ответил:

— Всё то вы шутите, барин... Но вот, всё и готово, для Александра Ивановича. Привёз, как и обещался.

— Дай поглядеть, — нетерпеливо продолжил юнкер, —

не тяни...

— Так здесь, в кадке, всё уложено, в наилучшем виде.

Бурлин раскрыл бумагу, освободил свёрток. Охнул только, уколов пальцы шипами на стебле. Кивнул стоявшему рядом Альбрехту. Тот с удовольствием поглядел на эти семь прекрасных роз, затем осторожно завернул их в цветную бумагу, и забрал.

— Ну спасибо, Фёдор.

И не просто «спасибо», а ещё один целковый ощутил в своей цепкой руке денщик. Он был сейчас донельзя доволен собой.

«Право слово, день сегодня совершенно замечательный, думал он, — уж не меньше четырёх рубликов заработал. Да ещё и настоящий червонец, от добрейшей Натальи Петровны... А, вот, письмо забыл ведь отдать, голова садовая...»

— Барин, барин! — закричал Федька, и побежал со всех ног, догоняя Бурлина.

Добежал, так не сразу отдышался, и, осмотревшись, стащил с себя картуз, и из под подкладки, торжественно вручил послание Бурлину.

— Так Алексей Михайлович, письмецо вам, от Елизаветы Ивановны. И на словах, вот, сказала подождать её в фойе. Что это такое, не могу знать.

— Молчи, дурак, — почти прошептал Алексей.

— Так уж молчу, ваше благородие. Всегда и обо всм.

— Домой иди, поешь, отдохни, — другим уже тоном до-

бавил Бурлин, — да помалкивай, смотри.. Всё, уходи быстро, не столбей.

Решительно день был неплохой. как окончательно решил Фёдор. То накричали, а за то, домой отправляют есть и спать. Нет, с таким приказом он непременно справится, усмехнувшись, решил для себя денщик.

Бурлин, с беспокойной совестью ускользнул от товарищей, ринувшихся в буфет. Избранные же гости этого действия проследовали в ложи. Юнкер смог немного оглядеться, оставшись пока в одиночестве. Ну, не считать же было двух лакеев, стоявших у входа?

Этот театр, выстроенный для императорской семьи в Петергофе, назывался гордо «Оперный дом». Этот шедевр был возведен самим великим Расстрелли в годы правления Елизаветы Петровны. Здание примыкало к Западной ограде Верхнего сада, и выглядело весьма живописно. Даже сам вход был хорош, с потолками, украшенными лепниной и росписями. Как понял Бурлин, художник изобразил саму Мельпомену и её подвиги. Более, на амурном поприще, чем на ниве искусства.

— Идите сюда, Алексей, — строго и требовательно проговорила дама.

Трудно было не узнать княгиню Глинскую, в столь красивом наряде. Елизавета Ивановна невероятно хороша сейчас, в этом платье из серебристой парчи.

Она, быстро открыла небольшую дверцу, рывком затащи-
ла внутрь соего юного кавалера, и, быстро вошла сама, и за-
перла это убежище изнутри.

— Злесь мило? — требовательно заявила Елизавета
Алексеевна, желая похвалы для себя.

Комната была небольшой, с окном, наглухо занавешенном
тёмными шторами. На столике, словно спрятавшемся в од-
ном углу, горел фонарь, заливая это убежище красноватым
светом. А у стены, занимая большую часть пространства, си-
яла золотом кровать. Этакое произведение, словно слшед-
шее с картин Пуссена. На покрывало, живописно саисавшее
на пол, присела Глинская.

— А столь милый кавалер так и будет стоять? — провор-
ковала она, — я уж и заждалась.

Дама не собиралась ожидать долго, взяла за руку Алексея,
и впилась в его губы долгим поцелуем. Бурлин ощутил слад-
кий вкус помады и запах востояных духов своей дамы.

— Ну всё, мой красавец, иди к своим юнкерам, — про-
шептала женщина.

Она заботливо отерла его лицо, от следов пылких поцелу-
ев. Алексей помог затянуть корсет даме, она шуточно зама-
нулась на него веером и улыбнулась.

— Надо идти. На неделе, помогу утолить тебе пыл, мой
милый рыцарь. А сейчас, надо успеть в ложу. Статс -дама
одидает, -заметила она, поглядев на свои небольшие часы в

золотой оправе.

Алексей быстро вышел, миновал фойе, и смог войти с другой стороны здания. Через буфетную прошёл в зрительный зал, на галерею. Здесь, в полумраке, стояли его друзья, да и юнкера других гвардейских полков.

А со сцены, сооруженной с невероятными декорциями самого Расстрелли, пела прекрасная Изабелла Ланчини. Звук её ангельского голоса отражался от стен, крытых позолотой, от фигурного потолка. Музыканты оркестра выводили божественную арию Бернадетто Марчелло, «Пламень сердца» «*Quella fiamma che m'assende*»,».. От сердца пламени в душе моей тепло разлито, и я угаснуть никогда ему не дам».

Il miobel foco,
моей страсти огонь,
denza cangiar mai tempre,
никогда не погаснет...

Он слушал, и не мог отвести глаз от источника столь сладостной песни. Стихи, музыка, словно это было о нём, о том, что он сейчас чувствовал, ощущал всем сердцем...

«*Quella fiamma che m'assende*,
Пламя что сжигает меня никогда не погаснет,
piace tanto all'alma mia,
Так дорого моей душе»...

И не он один, все зрители, собравшиеся в зале в этот вечер, просто замерли в восхищении. Песня была словно молитвой, вознесенной Ангелом к Богу, а этот Ангел стоял сей-

час на сцене. Изабелла замолкла, окончив петь, старалась отдышаться.

А тут и успел Альбрехт с букетом пышных алых роз. Юнкер изящно поклонился, и вручил их сеньорите Ланчини. Та взяла их обеими руками, словно величайший дар. Это было так потрясающе — красные розы, оттененные блеском червонной парчи её платья. Словно алая кровь сердца пролилась на золото. Зал разразился овациями, все встали, не в силах скрыть восхищение. Приносили и целые корзины цветов, но, всё это было не так ярко и не так смело, как с букетом Альбрехта. Выглядело как некое подобие чего-то важного и красивого, но лишь как копия.

Собственно, часть оваций предназначалась и этому смелому юнкеру, который смог показать общие переживания и восхищение зрителей. Ну, а Бурлин, лишь недавно находившийся в плену Купидона, был бесконечно рад, что оказался здесь, в эти минуты. Ну, а Альбрехт возвратился на галерею.

— Альбрехт, вы великолепны, — похвалил товарища Миних.

— Это был поступок истинного кавалергарда, — оценил и Кропоткин.

Остальные юнкера, в избытке чувств, только жали руку своему товарищу. Ну, а он сам, негромко проговорил Алексею:

— Премного тебе обязан, Бурлин.

Концерт продолжился, певица с её небесным голосом, по-

вела собравшихся всё дальше, словно в дивный райский сад.

Концерт закончился, но повеселевшие юнкера, расположились здесь, рядом с театром. Вернее, в зарослях кустов, примыкавших к строению. Тимрот раздобыл пару бутылок вина, и юнкера прикладывались к этой влаге дионисовой, пока не опустошили полностью.

— Послушайте, Альбрехт, — снова вещал Тимрот, — здесь, рядом и находится выход для служителей театра. Выйдет ваша красавица, упадите перед ней в ноги, просите снисхождения. Чего так страдать?

— Да, следует проявить безумство, — неуверенно заявил Миних, — Положение обязывает..

Его выпитое вино проняло больше других, он сильно покраснел и часто улыбался. Кается, без причины. Впрочем, пока не буйствовал. Сам же романтический герой сейчас молчал.

Ко входу, подъехала изящная чёрная карета, без гербов, но, с запряженными в неё богатыми и видными конями. С подножек соскочили трое служителей, в тёмной одежде. Простой, мещанской, но хорошо пошитой. Они, эти люди, быстро, без сомнений и колеанй, вошли в дверь театра, словно к себе домой. Вернулись быстро, да не одни. Тут уж Алексей вздрогнул, а Альбрехт рванулся вперёд, но его остановили Тимрот и Миних.

— Обожди, мы даже без оружия. А эти, не забыли про

пистолеты, — командовал Миних, — Кропоткин, вы едете за каретой, не теряя из вида. А мы, сейчас, захватим сабли, плащи и пистолеты. Будет глупо, если нас узнают. Езжайте вы, Тимрот, торопитесь.

— Я, вернусь быстро!

Юнкер исчез в кустах, бросился к коням, стоявшим у привязи. Только слышался удалявшийся грохот копыт о землю.

— О чём ты подумал, барон?

— Альбрехт, мы принесли присягу... — отвечал Миних,

— Но, как истинные рыцари, мы сможем помочь не упасть Цесаревичу слишком низко. И, наше достоинство не пострадает. А мы, уберём сиятельную особу от этого греха.

Кропоткин поверх колета накиннул сюртук, и поехал за чёрным экипажем похитителей.

Цесаревич часто вёл себя недостойно. Оболгал свою жену, Анну Фёдоровну, навел на неё клевету, дескать, она состоит в связи с ротмистром Иваном Линёвым. Что ещё стыднее, так это то, что Линёв служил в Кавалергардском полку. А Константин Павлович теперь утешался в объятиях княгини Жанетты Четвертинской, как и его брат Александр, в обществе сестры, Марии Антоновны Нарышкиной. Мерзкое же происшествие с мадам Араужо было на слуху у всего света, как и её страшная гибель. Так всем знакомо было имя генерал-майора Карла Фёдоровича Боура, адъютанта Константина Павловича, участника всех этих гнусностей. Это было просто невероятно, потомок сподвижника Петра Великого,

был замешан в таких негодных вещах.

— Я не дам случится подобному, даже и не надейтесь! — прошептал Альбрехт.

Миних кивнул, соглашаясь. Собственно, Бурлин был всецело на стороне своего товарища. Они были просто обязаны действовать. И стоять и ждать, было попросту невыносимо.

— Вот, господа, всё привёз! — торжествующе крикнул Тимрот

Юнкер сбросил на землю два больших куля, один из которых гухо звякнул сталью. Миних развернул куль, воззрился на сабли.

— Тимрот, из какого склепа вы это достали? Клинкам лет по сто!

— Что делать? Со стен снимал, что было. В цейхгауз поехать не мог, боязно. С вахмистром не договоришься. Не хочу ещё месяц провести в четырёх стенах.

— Отличник вы у нас, Тимрот, — со смехом похвалил его Миних, — теперь, поторопимся!

Уже начало темнеть. Да, подобная одежда, чёрного и серого цветов, была кстати, особенно, именно для таких уже густых сумрек. Они скакали быстро, не жалея своих тысячных коней. Но вот, ни с того ни с сего, Миних поднял руку, призывая остановится.

— Да что такое? — нетерпеливо спросил бледный, как сама смерть, Альбрехт.

— Вот, жеребец Кропоткина. Спешимся, господа. Кто останется здесь, сторожить коней? Предлагаю Эссена.

— Но, господа...

— Нет времени. Извините, ваш же товарищ так решил!
— пробормотал Тимрот.

И молодые люди, с саблями наголо, двинулись по тропинке. Кажется, вдали слышались голоса, и не сговариваясь, они шли дальше. Всё воспринималось, как забавное приключение. Они ни на волосок не сомневались в успехе этого дела.

— Сразу из пистолетов не палить, а то барышня может пострадать, — объяснил всё Тимрот, — в сабли возьмём!

А навстречу им вышел их товарищ, и вел в поводу за собой коня.

— А, вы здесь? — заметил кавалергардов обрадованный Кропоткин, — вот сюда! Они ведут девицу к охотничьей заимке! Ехал за ними. Но, осторожно, меня не заметили!

— Вы просто молодец. Ладно, мешкать нельзя! — прокричал Альбрехт, и бросился с саблей наголо вперёд.

Остальные, даже и не думали. просто побежали вслед своему товарищу. Кто же оставляет друзей в бою?

У громадного дерева, они увидели небывалое. Изабелла была привязана, примотана, с закрытым простыней лицом, только её черные кудри свисали наружу. Девушка даже не вырывалась, молчала в изнеможении.

А эти, трое, с скрытыми лицами, с шпагами в руках, пошли навстречу. Бурлин, и не думая ни о чём, только чувствуя

рукоять старинного клинка в своей руке, встал рядом с Альбрехтом, готовясь сразиться.

Самый же высокий из них, поднял левую руку вверх, и правую, с шпагой в руке. Медленно снял маску с лица, и глядел на кавалергардов, не отворачиваясь.

— Что скажете? Вы, верно удивлены? Да, так бывает. Вижу, что вы так храбры... И, кто желает, может скрестить со мной клинок!

Альбрехт, отсалютовал саблей, приложив эфес к своему лбу, и встал в стойку, направив клинок перед собой.

— Что же, всегда был в вас уверен, юнкера. В вашей храбрости и доблести. Ну, а нам пора, пожалуй! — громко проговорил этот человек, обращаясь к своим спутникам.

Он ни капли не сомневался в своей власти. Уверенность в себе была просто абсолютной, непоколебимой. Прошёл мимо кавалергардов, словно мимо неживых мраморных статуй в Летнем Саду.

Альбрехт не слишком обратил на это внимание, а кинулся отвязывать итальянскую барышню от дерева. Бурлин, вложив саблю в ножны, уж собрался помочь, но Миних удержал его.

— Здесь лучше оставить нашего Георгия наедине с этой Лесофией. Подвиг свершён, и не надо мешать рыцарю получить свою награду. Господа, нам право, следует удалиться, — уверенно тут вещал Миних.

Да, этот разудалый юнкер сейчас был явно в своей истин-

ной ипостаси. Весел, быстр, управлялся весьма ловко, командуя товарищами. Но, никто не был против, они признали его авторитет. Собственно, были рады пойти за этим молодым человеком.

— Миних, вы правы, как всегда, — чуть задумавшись, добавил Кропоткин, — истинный герой нуждается в приватности. А добрый Эссен приведёт Росинанта нашему рыцарю. Но, что станем делать? Доложим начальству? Что скажете, Миних? И, Альбрехт обнажил клинок... Чем всё это закончится?

— Пойдёмте же господа, чего тут стоять... Характер сего господина всем известен... Вероятно, Альбрехту будет предложено стать адъютантом... Понятно, что эполеты корнета ему уже обеспечены. И, скорее всего, его переведут в первый эскадрон, в шефский. Под личный надзор высочайших особ.

— Отчего же? Всё же вы преувеличиваете, Миних, — беззаботно говорил юнкер.

— Всё просто, что бы он не болтал лишнего. И позабыл о сегодняшнем происшествии.

— Господа, вы уж меня простите, — вмешался в разговор Бурлин, — а что это за лицо? Главный, среди этих тёмных личностей, из кареты?

— Положительно, вы мне нравитесь, Бурлин, — рассмеялся Миних, — такая смесь бездумной смелости, готовности к риску, и, некая простодушность. Я так подозреваю, вы будете иметь бешенный успех у женщин.

— Что вы... Верно, вы, Миних, заметили, как я танцевал полонез с...

— Как можно, Бурлин... В тот вечер мы с Тимротом играли в карты. Было забавно, я проиграл семьдесят рублей. К чему нам ваши дамы? То есть, вы не шутите, и вправду не узнали того господина?

— Бакенбарды в пол лица, высокий... — медленно проговорил юнкер, пытаясь вспомнить, — Нет, не понял кто такой...

— А, Бурлин, вы меня разочаровываете... — и ехидный Миних расхохотался, не в силах больше сдерживаться, — так это сам Государь Цесаревич, его императорское высочество Великий князь Константин! Вам и Альбрехту явился случай скрестить клинки с особой императорской крови.

Бурлин тут просто лишился дара речи. Сначала молодой человек побелел, покраснел, затем лихорадочно принялся расстегивать ворот своего мундира. Ему нечем стало дышать. Алексей уж представил себе тёмный карцер, с маленьким окошком, забранным толстенными стальными прутьями. Выходило всё не очень.-

Затем, Бурлин неспешно доехал до квартиры, в тяжкой задумчивости, где бросил узды от коня денщику.

Тот поймал, ясное дело, да почтительно. Поглядел так, с хитрецей, словно видедел своего барина насквозь. Ну и заговорил, но весьма почтительно:

— Ваше благородие, ужин готов!

Бурлин, тут даже огорчился. Не давал повода хитрец себя поколотить! Даже на душе скверно сделалось

— Чарку анисовой, быстро! И садимся есть!

Алексей стоял около двери, любуясь красными тучами, сбившимися на небе. Солнце закатилось за горизонт, но его лучи не потеряли силы, окрашивая воздушные стихии. Но, в животе после водки заурчало, и юнкер ощутил сильный голод. В прихожей, не дожидаясь денщика, стащил с себя сапоги, затем и колет, да и мундирные штаны. На вешалке висели бархатные куртка и брюки, в них тут облачился юнкер, и ощутил облегчение. Так, словно кавалергардский колет давил его, мешал дышать. Просто припомнил эту погоню, несостоявшуюся схватку с Цесаревичем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.